

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт психолого-педагогического образования
Кафедра психологии

ПРИСТИНСКИЙ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА АВТОНОМИИ КАК УСЛОВИЕ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ**

Направление подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы
Практическая психология в образовании

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
канд. психол. наук, доцент Дубовик Е.Ю.
29.05.2026

Руководитель
канд. психол. наук, доцент Дьячук А.А.
29.05.2026

Обучающийся
Пристинский И.А.
29.05.2026

Дата защиты

Оценка

Красноярск, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ АВТОНОМИИ КАК УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ.....	6
1.1. Основные теоретические подходы к девиантному поведению в психологии.....	6
1.2. Представления об автономии в зарубежных и отечественных исследованиях.....	18
1.3. Особенности автономии у девиантных подростков.....	37
Выводы по Главе 1.....	45
Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ АВТОНОМИИ КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ.....	49
2.1. Организация и методы исследования.....	49
2.2. Анализ результатов диагностики автономии и выраженности девиантного поведения у старших подростков.....	52
2.3. Программа направленная на поддержание автономии у девиантных подростков.....	63
2.4. Оценка изменения выраженности девиантного поведения и автономии в результате реализации программы.....	69
Выводы по Главе 2.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	79
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема девиантного поведения подростков остается одной из самых острых в современной психологии и педагогике. Традиционные методы профилактики, зачастую строящиеся на внешнем контроле, запретах и санкциях, демонстрируют ограниченную эффективность, так как не учитывают фундаментальные психологические потребности развивающейся личности.

В старшем подростковом возрасте на первый план выходит потребность в автономии – интеграции свободы и ответственности, переходе от внешней регуляции к самодетерминации. Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, а также трудам отечественных психологов (Д.А. Леонтьев, С.Н. Костромина), фрустрация потребности в автономии в условиях жесткого психологического контроля со стороны семьи и школы провоцирует реакции протеста, импульсивности и отчуждения, которые кристаллизуются в девиантные формы поведения. Таким образом, психологическая поддержка автономии становится не просто гуманистическим принципом, а необходимым условием формирования механизмов саморегуляции, позволяющих подростку противостоять деструктивному социальному давлению.

Цель исследования: рассмотреть возможности профилактики девиантного поведения через поддержку автономии в подростковом возрасте.

Объект исследования: девиантное поведение подростков.

Предмет исследования: автономия как условие профилактики девиантного поведения подростков.

Гипотеза исследования: В старшем подростковом возрасте фрустрация автономии является фактором риска девиантного поведения, а поддержка автономии – протективным фактором, снижающим вероятность и интенсивность его проявлений.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к пониманию девиантного поведения в отечественной и зарубежной психологии.
2. Раскрыть содержание понятия «автономия» и систематизировать научные подходы к её изучению
3. Раскрыть связь фрустрации потребности в автономии и девиантного поведения.
4. Разработать программу психологической поддержки потребности в автономии.
5. Оценить изменения выраженности девиантного поведения подростков в результате реализации программы повышения автономии.

Теоретическую основу исследования составили:

Структурно-динамический подход к девиантному поведению (Е.В. Змановская).

Теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райна), рассматривающая автономию как базовую психологическую потребность.

Многоуровневая модель самодетерминации личности (С.Н. Костромина).

Концепция ответственного выбора и автономии как интеграции свободы и ответственности (Д.А. Леонтьев, В. Франкл).

Положения когнитивно-поведенческого и ресурсного подходов (А. Бек, М. Селигман).

Методы и методики исследования:

Теоретические: анализ научной литературы, систематизация и обобщение научной информации, положений различных теорий и концепций.

Эмпирические: опросный метод (методика «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леуса, А.Г. Соловьева; методика «Индекс автономного функционирования» IAF в адаптации С.Н. Костроминой и др.).

Методы математической статистики: коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерий Вилкоксона для оценки значимости сдвига показателей.

Психотехнические: тренинговые упражнения, ролевые игры и семинары для социального окружения (родителей и педагогов).

Практическая значимость работы заключается в обосновании связи между уровнем автономии и склонностью к девиациям в старшем подростковом возрасте. Разработанный комплекс мероприятий предлагает позитивный подход к профилактике: не через ограничение поведения, а через создание поддерживающей среды, способствующей интернализации просоциальных норм и развитию субъектности подростка. Программа может быть использована психологами образовательных учреждений и центров социальной помощи семье и детям.

Структура работы: выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав (теоретической и эмпирической), выводов по каждой главе, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ АВТОНОМИИ КАК УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

1.1. Основные теоретические подходы к девиантному поведению в психологии

«Девиантное поведение» представляет собой междисциплинарное понятие. В науке данный вопрос изучали множество авторов, в их числе: З. Фрейд, А. Адлер, В. Франкл. Самое понятие девиантность является многогранным и неразрывно связано с категорией социальной нормы. Социальную норму, в свою очередь, принято определять как общепринятое, общеобязательное, социально установленное правило общего характера, обусловленное социальным бытием индивида, направленное на регуляцию его социально значимого поведения во взаимоотношениях с другими людьми и на поддержание стабильности общества.

В современной психологии выделяют несколько подходов к пониманию феномена девиантного поведения.

В рамках психодинамического подхода (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм, А. Адлер и др.) предполагается, что девиантное поведение возникает в результате внутреннего конфликта между подавленными бессознательными желаниями и социальными ограничениями. Данный конфликт представляет собой столкновение структур «Оно», «Я» и «Сверх-Я», которое устанавливает социальные нормы и ограничения [24].

В русле психодинамического направления ряд исследователей предлагают собственные трактовки истоков девиантного поведения. К примеру, К. Хорни в своей концепции связывает подобные поведенческие отклонения с тремя ключевыми факторами: дефицитом эмоционального взаимодействия, отсутствием тёплых отношений с матерью в ранние годы, а

также несформированностью чувства безопасности и базового доверия к окружающему миру [32].

Иной подход к проблеме деструктивного поведения встречается в работах Э. Фромма. Девиантное поведение через разграничение оборонительной агрессии и собственно деструктивности – специфически человеческой страсти к разрушению, не связанной с биологическим выживанием. Причины такой злокачественной агрессии он видел в неудовлетворённых экзистенциальных потребностях (в любви, принадлежности, творческой самореализации) и в отчуждающих условиях «нездорового общества», которые блокируют продуктивную жизнедеятельность и порождают внутреннюю пустоту. Преодоление деструктивных тенденций, по Э. Фромму, предполагает гуманизацию социальных отношений, формирование биофильной ориентации характера (направленности на жизнь и созидание) и создание условий для подлинного диалогического взаимодействия, в котором личность получает безусловное признание и возможность творческой самореализации [28].

Принципиально иную позицию занимал А. Адлер. Согласно его взглядам, причинами отклоняющегося поведения могут выступать различные психологические детерминанты – в частности, неадекватная жизненная установка либо недостаточная развитость «социальный интерес». А. Адлер подчёркивал, что главной жизненной целью человека является стремление к превосходству над другими. Если достичь этого превосходства социально приемлемыми, конструктивными способами не удаётся, индивид начинает использовать неадаптивные и агрессивные поведенческие паттерны, которые в науке принято квалифицировать как девиантны [1].

В рамках бихевиорального направления (Б.Ф. Скиннер, А. Бандура) принято объяснять возникновение девиантного поведения результатом сложной обусловленности средовыми факторами.

Так в понимании Б.Ф. Скиннера в рамках своей теории оперантного обусловливания он объяснял формирование отклоняющегося поведения

через механизмы подкрепления (позитивного/негативного) и наказания. Девиантное поведение закрепляется и повторяется, если оно приносит выгоду, одобрение или позволяет избежать неприятностей, даже если общество считает его неправильным. Для исправления поведения ученый предлагал не просто наказывать, а изменять окружающую среду, поощряя желательные действия и лишая подкрепления нежелательные [21].

Согласно теории социального научения А. Бандуры, любое человеческое поведение носит социально детерминированный характер. Усвоение поведенческих паттернов происходит через наблюдение и имитацию действий окружающих. Вследствие этого индивид перенимает разнообразные формы поведения, включая и те, которые квалифицируются как девиантные [3].

Экзистенциально-гуманистический подход (В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу) предполагает, что внутренние личностные конфликты и стремление к поиску смысла жизни выступают ключевыми факторами, приводящими к возникновению отклоняющегося поведения.

В рамках учения о смысле В. Франкл полагал, что девиантное поведение обусловлено подавленностью духовного начала личности и отсутствием стремления к поиску смысла жизни. По мнению автора, психологическая помощь лицам с девиантным поведением должна быть направлена на осознание ими собственного духовного «Я» и развитие способности принимать ответственность за свою жизнь, что в конечном итоге приводит к обретению смысла жизни [25; 26].

Иной подход к проблеме девиантного поведения предлагал К. Роджерс. Автор полагал, что основными причинами девиантного поведения выступают искаженные, не соответствующие реальности представления о себе и окружающих, противоречивый и негативный опыт, а также внутренний конфликт между стремлением к самореализации и зависимостью от оценки социального окружения. К. Роджерс считал, что преодоление личностных и поведенческих проблем достигается путем создания

специальных условий, способствующих актуализации личности, – таких как искренний интерес к человеку, безусловное и безоценочное принятие личности [18].

В своих работах А. Маслоу, как и К. Роджерс, выделял ключевым фактором возникновения отклоняющегося поведения самореализацию. Когда самореализация не осуществляется через любовь, творчество и духовность, индивид может начать компенсировать ее посредством девиантного поведения. Автор полагал, что основными причинами, препятствующими самореализации личности, выступают фрустрация базовых потребностей, фиксация на низших потребностях, дефицит развития высших потребностей и неблагоприятное социальное окружение [14].

Когнитивный подход в качестве основной причины отклоняющегося поведения выделяет дезадаптивные когнитивные схемы. Не соответствующие реальности, дисфункциональные когниции порождают неадекватные эмоциональные реакции и поведенческие проявления, а искажения в процессах переработки информации рассматриваются как самостоятельные этиологические факторы различных поведенческих расстройств.

В рамках когнитивного подхода А. Эллис рассматривал девиантное поведение как следствие приверженности иррациональным убеждениям, прежде всего – жёстким долженствованиям («я должен», «мир обязан»), низкой толерантности к фрустрации и глобальным негативным оценкам. По мнению автора, индивид, интерпретирующий ситуацию через призму таких верований, испытывает чрезмерные негативные эмоции (гнев, тревогу), которые, в свою очередь, запускают деструктивные поведенческие реакции [33].

Аналогичную позицию занимал К. Джордж. Автор предложил социально-когнитивное объяснение агрессивной девиантности, в центре которого находится враждебная атрибутивная предвзятость. Согласно его модели, индивиды с устойчивым агрессивным поведением, особенно

реактивным, на этапе интерпретации социальных сигналов демонстрируют тенденцию приписывать враждебные намерения окружающим в неоднозначных или нейтральных ситуациях. Эта предвзятость активирует хранящиеся в памяти агрессивные скрипты, что приводит к импульсивным враждебным реакциям [39].

В своих работах С. Йохельсон и С. Саменю идентифицировали более пятидесяти «ошибок мышления преступника», образующих устойчивый когнитивный стиль. К ключевым искажениям относятся: «отсечение» (неспособность прогнозировать долгосрочные последствия своих действий, концентрация исключительно на текущем моменте), супероптимизм (нереалистичная убежденность в безнаказанности), обесценивание жертвы (дегуманизация объекта посягательства, приписывание ему провоцирующей роли), а также восприятие себя как жертвы обстоятельств. По мнению С. Йохельсона и С. Саменю, данные когнитивные паттерны не являются поверхностными самооправданиями, а представляют собой фундаментальные структуры мышления, которые систематически искажают восприятие социальной реальности, блокируют механизмы сдерживания и делают противоправное поведение субъективно приемлемым [54].

В позитивной психологии К. Петерсона и М. Селигмана не содержится самостоятельной теории девиантного поведения в традиционном понимании. В своих работах ученые смещают фокус с изучения психических расстройств и дезадаптивных паттернов на анализ условий, способствующих процветанию личности и сообществ. Данная реориентация привела к переопределению самого концепта девиации: отклонение от нормы может рассматриваться не только как дисфункция, но и как проявление выдающейся жизнестойкости и конструктивного поведения.

Центральным элементом их подхода выступает классификация достоинств и сильных сторон характера, которая систематизирует универсальные качества, позволяющие индивиду достигать психологического благополучия и нравственной полноты.

К. Петерсон и М. Селигман вводят понятие позитивной девиации – устойчивого отклонения от ожидаемой негативной реакции на стрессовые или неблагоприятные обстоятельства. Ключевым механизмом, обеспечивающим такое отклонение, выступает оптимистический объяснительный стиль, который характеризуется приписыванием негативных событий факторам, являющимся:

- внешними (не связанными с глобальной самооценкой индивида);
- нестабильными (временными, а не перманентными);
- специфическими (ограниченными конкретной ситуацией, а не генерализуемыми на все сферы жизни).

Индивиды, демонстрирующие позитивную девиацию, вопреки прогнозам не изменяются под давлением обстоятельств, а сохраняют адаптивность и способствуют позитивной динамике микросоциальной среды. Данный конструкт не объясняет причины агрессии или делинквентности, но описывает ресурсный механизм устойчивости к неблагоприятным воздействиям, который сам по себе является девиантным по отношению к статистически преобладающим дезадаптивным реакциям.

Развитые сильные стороны характера (например, мужество, настойчивость, доброта, благоразумие) выполняют функцию психологических буферов, снижающих вероятность формирования девиантных форм поведения. Наличие внутренней системы ценностно-смысловых опор позволяет индивиду эффективнее совладать со стрессом, противостоять негативному социальному влиянию и избегать дезадаптивных паттернов. Таким образом, акцент на культивировании достоинств представляет собой стратегию превенции девиации через развитие позитивной идентичности и расширение круга моральной заботы.

На основе кросскультурного анализа философских и религиозных традиций авторы предложили иерархическую структуру, объединяющую 24 измеримые силы характера в рамках шести универсальных добродетелей:

1. Добродетель мудрости и знания.

Когнитивные способности, направленные на приобретение и применение знаний. Включает в себя качества:

Креативность – способность продуцировать оригинальные и эффективные идеи, а также реализовывать нестандартные подходы к решению задач.

Любознательность – открытость новому опыту, устойчивый интерес к исследованию окружающей действительности.

Открытость мышления – склонность к всестороннему анализу информации, взвешиванию аргументов и коррекции собственных убеждений на основе эмпирических данных.

Любовь к учению – мотивированное и систематическое овладение новыми знаниями и навыками.

Перспектива – способность интегрировать прошлый опыт в целостную картину мира и давать действенные рекомендации.

2. Добродетель мужества

Эмоционально-волевые качества, позволяющие преодолевать сопротивление – как внешнее, так и внутреннее. Включает в себя качества:

Храбрость – готовность действовать перед лицом угрозы, боли или социального неодобрения, отстаивая свои ценности.

Настойчивость – упорное движение к долгосрочной цели, несмотря на препятствия; завершение начатых задач.

Честность – искренность в самопрезентации, отсутствие диссонанса между переживанием, словом и действием.

Энтузиазм – энергичное и захваченное отношение к жизни, ощущение субъективной «заряженности».

3. Добродетель человечности

Межличностные качества, связанные с установлением и поддержанием близких, заботливых отношений. Включает в себя качества:

Любовь – способность ценить глубокие взаимные отношения с другими людьми, включая романтическую привязанность и дружбу.

Доброта – проявление щедрости, заботы и сострадания в адрес других; альтруистическое поведение.

Социальный интеллект – осознание собственных и чужих эмоций, мотивов и социального контекста, позволяющее эффективно взаимодействовать.

4. Добродетель справедливости

Качества, обеспечивающие здоровое функционирование индивида в группе, социуме в целом. Включает в себя качества:

Командная работа – лояльность группе, выполнение своих функций и вклад в достижение общих целей.

Справедливость – беспристрастное отношение к другим, отказ от использования личных предпочтений при принятии решений.

Лидерство – умение организовывать совместную деятельность, поощрять членов группы и поддерживать внутригрупповую гармонию.

5. Добродетель умеренности

Способность противостоять излишествам и сохранять самоконтроль. Включает в себя качества:

Прощение – снижение негативных эмоций по отношению к обидчику, отказ от мести и предоставление «второго шанса».

Скромность – ненавязчивость в демонстрации собственных достижений, отсутствие потребности в постоянном внешнем признании.

Благоразумие – осторожное и предусмотрительное принятие решений, минимизация неоправданных рисков.

Саморегуляция – способность управлять собственными импульсами, эмоциями и поведением в соответствии с осознанными стандартами.

6. Добродетель трансценденции

Качества, выводящие индивида за пределы его эгоцентрической позиции и связывающие с универсумом, красотой, смыслом или высшим началом. Включает в себя качества:

Восприятие красоты и совершенства – чувствительность к эстетическим объектам, природным феноменам, а также к выдающимся моральным или профессиональным проявлениям других людей.

Благодарность – осознанное признание ценности блага, полученного от других людей или от бытия в целом; сопровождается аффектом признательности.

Надежда – когнитивно-аффективное ожидание позитивных событий в будущем и убежденность в возможности их достижения собственными усилиями.

Юмор – склонность видеть комичные стороны жизненных ситуаций, использование смеха для построения межличностных связей и совладания с трудностями.

Духовность – наличие устойчивых убеждений о высшем смысле и назначении жизни, ощущение связи с трансцендентным порядком [44].

При более глубоком анализе различных теоретических направлений обнаруживается ряд общих позиций в трактовке природы девиантного поведения. В частности, психодинамический и экзистенциально-гуманистический подходы сходятся в признании значимости внутриличностных конфликтов. Однако если в первом случае конфликт разворачивается между отдельными структурами личности, то во втором акцент смещается на роль духовных исканий и стремления к смыслу. Когнитивный подход, в свою очередь, фокусируется на нереалистичных самооценках, внутренних противоречиях и особенностях жизненной среды индивида.

Структурно-динамический подход предлагает интеграцию положений, выработанных в рамках разных школ. В области девиантологии данный подход позволяет анализировать совокупность социальных структур, институтов и ценностных ориентаций, которые в своем взаимодействии могут способствовать формированию и закреплению отклоняющегося поведения. Кроме того, он учитывает динамические процессы – такие как

социальные изменения, воспитательные воздействия, а также психологические факторы на индивидуальном и коллективном уровнях. В рамках этого подхода выделяется ряд общих личностных черт, характерных для лиц с девиантным поведением. К ним относятся: социально-психологическая фрустрированность, оппозиционная установка, высокая напряженность в межличностных отношениях, эмоционально-регуляторная нестабильность, дисфункции в системе детско-родительских отношений и нарушения самосознания.

Согласно данному подходу, выделяется ряд устойчивых личностных характеристик, присущих индивидам с девиантным поведением. К числу таких характеристик относятся: социально-психологическая фрустрированность, оппозиционная установка, высокая напряжённость в межличностных контактах, эмоционально-регуляторная нестабильность, дисфункции в отношениях с родителями в детском возрасте, а также искажения в самосознании. Перечисленные свойства в значительной мере способствуют возникновению и закреплению отклоняющегося поведения. Кроме того, они могут свидетельствовать о наличии внутриличностных конфликтов, негативных эмоциональных состояний, трудностей во взаимодействии с окружающими, а также противоречий в ценностно-нормативной системе отдельной личности или группы.

В рамках рассматриваемого подхода феномен отклоняющегося поведения рассматривается в неразрывной связи с понятиями социальной девиантности и девиации. Под социальной девиацией понимается любое отступление от нормального социального функционирования индивида или группы. Девиация же трактуется как свойство личности (либо группы), выражающееся в устойчивой предрасположенности к нарушению социальных норм. Выделяют две формы девиации: латентную и актуальную. При латентной форме девиация проявляется в виде личностной готовности к девиантному поведению, тогда как актуальная форма выражается в реальных поведенческих актах, отклоняющихся от общепринятых стандартов.[6].

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что девиантное поведение – это внешнее проявление девиантности, которое выражается в поведенческих паттернах, не соответствующих нормативным предписаниям, доминирующим в конкретном социуме на конкретном этапе его развития.

Вместе с тем следует учитывать, что девиантное поведение не обязательно носит деструктивный характер или оказывает исключительно негативное воздействие как на самого индивида в целом.

В работах Ц.П. Короленко и Т.А. Донских предлагается разграничение двух типов девиаций: нестандартные и деструктивные. К деструктивному типу относят поведенческие формы, которые по своей сути являются разрушительными и причиняют вред личности или обществу. Нестандартный тип объединяет те формы девиации, которые носят продуктивную направленность, способствуют генерации новых идей, преобразованию социума и выходу за рамки привычных социальных стереотипов [8].

В рамках структурно-динамического подхода Е.В. Змановской предложена типология, базирующаяся на трёх критериях: типе нарушения, направленности поведенческого акта и его последствиях для общества. Согласно данной классификации, выделяется несколько разновидностей девиаций:

Антисоциальное поведение – это деяния, направленные против общественного порядка и социального благополучия. Выражается в форме активных действий либо бездействия, нарушающих законодательные нормы и общественный порядок.

Асоциальное поведение – поведенческие паттерны, противоречащие социальным нормам и общепринятым стандартам межличностного взаимодействия. Проявляется в виде сексуальных девиаций, бродяжничества, иждивенчества и подобных форм.

Аутодеструктивное поведение – поведение, наносящее ущерб психологическому и физическому здоровью индивида. Выражается в

различных формах аддиктивного (зависимого) и самоповреждающего поведения.

Таким образом, согласно теоретическим положениям Е.В. Змановской, девиантное поведение трактуется как следствие утраты целостности и гармонии во взаимодействии личности со средой, что проявляется в выраженных дезинтеграционных процессах, затрагивающих индивидуальное развитие и социальную адаптацию субъекта.[6]

Рассмотренные теоретические направления – от психодинамического и бихевиористского до экзистенциально-гуманистического и когнитивного – при всей их объяснительной ценности тяготеют к анализу отдельных, относительно изолированных аспектов девиантного поведения: внутриличностных конфликтов, средовой обусловленности, нарушений самореализации либо дезадаптивных когнитивных схем. Обнаруживая определённые общие позиции, данные подходы, тем не менее, не формируют целостной картины, поскольку не охватывают одновременно устойчивые структурные образования и динамические процессы, разворачивающиеся на индивидуальном и социальном уровнях.

Структурно-динамический подход, избираемый в качестве теоретической основы настоящей работы, позволяет преодолеть эту фрагментарность. Позволяет интегрировать анализ социальных структур, институтов и ценностных ориентаций, способствующих закреплению девиации, с учётом динамических процессов – социальных изменений, воспитательных воздействий и психологических факторов. В рамках данной работы подход позволяет рассматривать девиантность не только как внутреннее образование личности, но и результат воздействия социальной среды, которая привела к фрустрации потребности в автономии.

1.2. Представления об автономии в зарубежных и отечественных исследованиях

Понятие автономии в современной психологии является предметом большого интереса и споров. Понятие автономии тесно связано с понятиями «субъект» и «субъектность». Изучением проблемы автономии зарубежные авторы: А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Р. Райан, Э. Деси, Р. Харре и другие. В отечественной психологии понятие автономии редко используется, однако используется близкое понятие субъект и субъектность. Вопросами субъекта и субъектности занимались отечественные психологи: Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.Н. Леонтьев и др.

На сегодняшний день понятие автономии представлено во многих работах. Однако среди авторов нет единого мнения, разные исследователи выделяют разные механизмы, структурные элементы и источники автономии. Поэтому возникает необходимость раскрыть подходы отечественных и зарубежных авторов.

Одним из первых понятие автономии в своих работах использует Жан Пиаже. Согласно позиции автора, автономия имеет прежде всего морально-интеллектуальный характер и противопоставляется гетерономии. В раннем детстве развитие ребенка определяется нормами и правилами как внешнему, неоспоримому авторитету взрослых: ребенок следует правилам из страха наказания или стремления к поощрению, не понимая их смысла и возможности изменения. Данное состояние автор называл гетерономной моралью. В процессе общения, особенно со сверстниками на равных правах, формируется автономная мораль. Автономия в моральной сфере проявляется в том, что ребенок начинает осознавать относительность установленных правил, стремится к справедливости и взаимности, он подчиняется нормам, потому что считает их рациональными и справедливыми, а не только потому, что так решили взрослые.

Автономия в интеллектуальной сфере у Ж. Пиаже описывается в способности самостоятельно мыслить, опираясь не на мнение авторитетных лиц, а на доказательство, логику и факты. Ребенок начинает требовать обоснований, подвергать сомнению утверждения, в целом критически относиться к получаемой информации, в том числе исходящей от взрослых. В общем смысле автономия в работах Ж. Пиаже понимается как внутренняя регуляция поведения и мышления, когда нормы, правила и суждения исходят из собственного принятия, а не из внешнего давления. Таким образом, развитие автономии заключается в переходе от задаваемых внешне строгих правил к внутренней, осознанной и рациональной регуляции своих действий и моральных решений [16].

Одним из ключевых понятий в работах Э. Эриксона является понятие автономии. В теории автора развитие личности представлено как последовательное прохождение восьми возрастных стадий. Каждая стадия характеризуется особым психосоциальным кризисом – противоречием между позитивным и негативным векторами развития. Положительное разрешение кризиса формирует базисное психосоциальное качество или «силу Эго», которая интегрируется в структуру личности и выступает ресурсом для последующих жизненных испытаний.

На второй стадии развития, по мнению Э. Эриксона формируется автономия. Автор называл кризис в данном возрастном этапе – «Автономия против стыда и сомнения».

В своих работах автор описывал автономию как комплексное психическое новообразование, состоящее из нескольких элементов:

- Чувство собственной воли и контроля. Ребенок осознает себя активным, способным изменять окружающий мир агентом. Ведущей формой поведения становится стремление к самоутверждению, проявляющееся в утверждении «Я сам!».

- Способность к свободному выбору и саморегуляции. Ребенок учиться совершать простой выбор(например между игрушками или одеждой)

и контролировать физиологические функции, что ярче всего проявляется в приучении к горшку. Данный контроль физиолого-анатомическими процессами выступает символической основой для развития психологического самоконтроля.

- Формирование основы самооценности. Одобрение действий ребенка со стороны значимых взрослых подкрепляет чувство автономии. Успех в проявлении воли формирует и укрепляет веру в собственные силы и способности [35; 36].

В работах А. Маслоу автономия является неотъемлемой чертой актуализировавшейся личности. Ученый понимает автономию не просто как независимость, а комплексной характеристикой психологически зрелой, здоровой личности, которая действует согласно своим ценностям [14].

Потребности выступают одним из центральных понятий в теории А. Маслоу. В иерархии потребностей автор указывал, чтобы стать автономной зрелой личностью необходимо удовлетворить дефицитные потребности – направленные на удовлетворение физических потребностей, безопасности и принадлежности к обществу. Пока дефицитные потребности остаются не удовлетворенными, личность будет детерминирована внешними обстоятельствами и не сможет стать автономным. С закрытием дефицитных потребностей личности открываются бытийные потребности. Бытийные потребности отражают стремление человека к познанию, эстетике и самоактуализации. Потребности бытийной категории невозможно удовлетворить полностью, чем сильнее личность себя реализует, тем большее стремление к реализации она испытывает.

В своей теории А. Маслоу рассматривает автономию как одну из ключевых характеристик самоактуализирующейся личности. Автор считал, что самоактуализирующаяся личность не зависит от внешней среды. Такие люди берут мотивацию изнутри. Их движут бытийные ценности такие как: добро, справедливость, красота, истина и т.п.

Из этого следует, что самоактуализировавшаяся личность испытывает потребность в уединении. Такую личность не пугает социальная изоляция или одиночество так, как они обладают богатым и самобытным внутренним миром. Благодаря этому они способны быть собственным источником силы.

Сопrotивление внешнему воздействию также является одной из ключевых черт самоактуализировавшейся личности. Автор считал, что самоактуализировавшийся человек не слепо принимает нормы и ценности общества, а критически осмысливает их. Они принимают те ценности и нормы, что близки их собственным, и отвергает те, что для них недопустимы.

Однако самоактуализировавшаяся личность не является высокомерной или надменной. А. Маслоу отмечал, что самооценка таких людей не зависит от положения в социальной иерархии, поэтому они относятся к окружающим с уважением, несмотря на их положение в обществе, нацию, расу, религиозную принадлежность и т.п.

Независимость самоактуализировавшейся личности отражается в простоте и спонтанности. Они не носят маски и не играют социальные роли, чтобы нравиться другим людям. Их действия спонтанны и эта спонтанность идет из их внутренней уверенности и независимости от оценки окружающих людей.

Однако автор выделял важный момент, независимость самоактуализировавшейся личности – это не одиночество и отказ от близких отношений. А. Маслоу считал, что такая личность способна на более глубокие, зрелые и осознанные отношения, потому что является самодостаточной. Она вступает в отношения с другими не из-за потребности или нужды, а из желания разделить свою полноту с другими людьми.

Следовательно автономия в понимании А. Маслоу – это ключевая характеристика самоактуализировавшейся личности, которая отражается в психологической свободе, открывающей человеку возможность быть верным себе, действовать в соответствии со своими ценностями и реализовать свой

уникальный природный потенциал, будучи свободным от социальной среды [14].

В своей гуманистическо-феноменологической теории К. Роджерс рассматривает автономию, как естественное состояние психически здоровой личности, которая живет в согласии со своим внутренним миром, доверяет себе и совершает выбор, опираясь на свои потребности и ценности.

Центральным понятием в теории автора является конгруэнтность. Конгруэнтность в понимании К. Роджерса отражалась в соответствии между несколькими элементами:

- Опытом – это то, что происходит в реальности.
- Осознанием этого опыта – это то, что чувствует и думает человек относительно происходящих событий.
- Выражением – как человек проявляет свои переживания связанные с происходящим.

Личность, подавляющая переживания из-за социальных ожиданий или запрета, становится неконгруэнтной, становится зависимой от оценок окружающих людей. Напротив конгруэнтная личность принимает собственные переживания, как неотъемлемая часть личного опыта и имеет возможность выбрать, как их выражать. Поведение конгруэнтного человека исходит изнутри.

В гуманистическом подходе автора, помимо конгруэнтности встречается понятие оценочного процесса. Оценочный процесс в понимании автора – это внутренний компас, представляющий из себя внутренний механизм оценки, нужный для оценки собственного опыта.

В своих работах Карл Роджерс описывает данные механизмы как врожденные. Он полагал, что ребенок инстинктивно понимает, что для него хорошо или плохо. Данный процесс он назвал организмическим доверием.

Однако автор считал, что к психологическим проблемам приводит любовь и принятия со стороны окружающих ребенка людей при выполнении определенных условий. В таких условиях у человека формируется ориентир

на внешние оценки. Он учится игнорировать внутренние переживания, что приводит к становлению внешнего локуса оценки. Из-за чего для личности источником оценок, решений и норм поведения выступает нечто внешнее (традиции, культура, мнение родителей и т.п.). В таких условиях человек не способен приобрести автономию.

Личность, выросшая в условиях «безусловного позитивного принятия» или прошедшая психотерапию, формирует внутренний локус оценки. Он открывает человеку возможность принимать решения исходя из собственного организмического доверия и опыта. Таким образом, внутренний локус контроля выступает важной основой для возникновения автономии.

Внутренний локус контроля позволяет достичь «идеала» – полноценно функционирующую личность, опирающаяся на свой опыт.

Такая личность характеризуется следующими чертами:

- Открытостью опыту – не закрывается от своих чувств, как негативных и позитивных. Гибко и реалистично воспринимает мир.
- Живет полнотой жизни в каждом моменте – не зациклен на прошлом или будущем, а живет настоящим.
- Доверие к себе – принимает решение, полагаясь на свой внутренний опыт, а не на внешние правила.
- Чувствует свободу выбора – воспринимает свою жизнь как процесс свободного, осознанного выбора.
- Творческий подход к жизни – является источником новых, адаптивных идей и действий.

В понимании автора, автономия является естественным состоянием человека, которое отражается в том, чтобы быть полноценно функционирующей личностью [17].

В экзистенциальном анализе и логотерапии В. Франкла представлено особое понимание автономии. Согласно его взглядам, автономия представляет собой свободу человеческого духа, которая выражается в

умении личности самостоятельно определять свою позицию по отношению к любым жизненным обстоятельствам и обнаруживать смысл даже перед лицом неизбежных и непреодолимых страданий.

К числу главных компонентов автономии, согласно учению В. Франкла, можно отнести следующее:

Свобода волевого выбора. В трактовке В. Франкла свобода воли – это не независимость от различных детерминант, а возможность выбирать, как именно человек будет относиться к тем или иным событиям своей жизни.

Устремлённость к смыслу (воля к смыслу). Она проявляется в том, что человек стремится отыскать смысл в разных жизненных ситуациях. При этом смысл не придумывается самим индивидом, а открывается им в окружающей действительности. Главной задачей личности становится именно поиск таких смыслов.

Самотрансценденция (выход за пределы собственного «Я»). Данное понятие означает направленность вовне, служение чему-то более значимому, чем собственная персона. Человек обретает подлинное «я» не через внутренние размышления (рефлексию), а через взаимодействие с миром и окружающими людьми.

Ответственность. В теоретической модели В. Франкла личность отвечает перед жизнью за воплощение того уникального смысла, который содержится в каждой конкретной ситуации.

Восприятие страдания. В. Франкл считал, что каждый человек неизбежно встречается со страданиями, которые он не способен изменить. В такой ситуации у личности остаётся лишь один путь – преобразовать себя, наделив собственное страдание глубоким смыслом.

Таким образом, по мнению этого автора, автономия – это духовная свобода, дающая человеку возможность самостоятельно выбирать своё отношение к любым обстоятельствам и извлекать смысл даже из ситуаций, связанных с невыносимым страданием [25; 26].

В рамках экзистенциально-гуманистического подхода Р. Мэй трактовал автономию не столько как самостоятельность, сколько как процесс обретения подлинного «я» через прямое столкновение с жизненными обстоятельствами, добровольное принятие ответственности и соединение внутренних противоречий. Согласно его взглядам, автономия представляет собой не застывшее состояние, а постоянно достигаемое свойство зрелой личности, которое реализуется лишь на пересечении свободы, налагаемых ограничений и глубокого понимания собственной человеческой сущности. Для Р. Мэя автономия не является изначально данной характеристикой, а выступает результатом внутренней работы взрослого человека и включает следующие элементы:

Мужественное признание экзистенциальных реалий жизни. Это означает необходимость принять фундаментальные условия человеческого существования – осознание свободы выбора и конечности собственного бытия.

Воля и интенциональность как движущие силы автономии. В понимании Р. Мэя воля – это осмысленное и целенаправленное усилие, направленное на действие. Интенциональность же он определял как смысловую структуру, базовые ориентации человека в мире, которые организуют его жизнь и наполняют её значимостью. Исследователь утверждал, что подлинная автономия достигается тогда, когда воля оказывается согласованной с интенциональностью.

Взаимосвязь автономии и причастности (принадлежности). Автор считал, что эти два понятия неразрывно связаны между собой. Реальная автономия проявляется в умении выстраивать глубокие отношения с окружающими, не теряя при этом собственной уникальности и независимости.

Творчество как форма выражения автономии. В своих трудах Р. Мэй утверждал, что творческий акт служит высшим проявлением автономии личности. Посредством творчества человек способен выйти за пределы

наличного, создать нечто новое, в чём раскрывается его подлинная сущность. Однако подобная деятельность требует от него готовности встретиться с неизвестностью и принять ответственность за порождаемый новый смысл.

Теневые стороны личности и онтологическая вина. По мнению мыслителя, осознание собственной «тени» и переживание онтологической вины открывают путь к внутренней целостности и обретению человеком автономии.

Таким образом, в теоретической системе Р. Мэйя автономия – это умение личности оставаться самой собой, взаимодействуя с окружающим миром, брать на себя ответственность за свой неповторимый способ бытия, действовать осознанно и самостоятельно, но в пределах человеческой ограниченности. Это не освобождение от других людей, а свобода оставаться собой, находясь среди них [13].

В работах А. Бандуры не использует понятие «автономия», однако автор вводит термин «агентность». В понимании ученого агентность – это способность человека намеренно влиять на ход своей жизни и обстоятельств, будучи не продуктом внешней среды, а активным творцом своей судьбы.

Автор утверждал, что человек обладает способностью к самоорганизации, предвидению и саморегуляции. В основе понимания агентности А. Бандуры лежит принцип триадического реципрокного детерминизма, согласно которому поведение, внутренние личностные факторы (когнитивные, аффективные) и внешнее окружение постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Человек не пассивно реагирует на среду, но и сам изменяет её своими действиями.

В своих работах исследователь выделял три формы агентности:

- Личная агентность.

Человек сам действует и напрямую влияет на окружающую среду и собственную жизнь.

- Опосредованная агентность.

Человек использует других людей, обладающих необходимой властью, ресурсами и знаниями для достижения своих целей.

- Коллективная агентность.

Люди объединяются в группу для достижения большой общей цели, которая недоступна одному отдельно взятому индивиду.

Согласно мнению автора сама агентность реализуется через четыре механизма

- Намерение.

Механизм отражающий способность человека формировать намерения и планов действий. Намерение предполагает не просто постановку цели, но и разработку стратегий по ее достижению.

- Предвосхищение.

Данный механизм отражает человеческую мотивацию предвидения будущего. Автор считал, что агентный человек не просто живет настоящим, но и способен предвосхищать будущее, предвидя последствия своих поступков, ставя долгосрочные цели и предвидя возможные препятствия.

- Саморегуляция.

Данный механизм отражает способность человека контролировать и корректировать поведение. А. Бандура считал, что в саморегуляции агентному человеку помогают внутренние стандарты и самомониторинг.

- Саморефлексия.

Данный механизм отражает способность человека анализировать собственную эффективность и адекватность мышления. Центральным механизмом здесь выступает самооэффективность – вера человека в свою способность мобилизовать мотивацию, когнитивные ресурсы и курс действий, необходимые для контроля над событиями своей жизни.

Таким образом, агентность в работах А. Бандуры напрямую пересекается с понятием автономии. В понимании автора агентность – это не просто способность делать выбор, а способность осуществлять целенаправленное влияние на себя и мир, используя когнитивные,

мотивационные и регуляторные механизмы, и нести ответственность за это влияние [3].

В рамках социально-конструкционистского подхода, Р. Харре рассматривает автономию и агентность не как внутренние свойства индивида, а как продукты социального взаимодействия, дискурса и морального порядка.

Центральным для Р. Харре является понятие личной агентности. Агентность – это способность человека быть действующим субъектом, инициировать действия и нести за них ответственность. Однако в отличие от индивидуалистических теорий, Р. Харре утверждает, что агентность не дана от природы, а формируется и реализуется в социальной практике, прежде всего – в разговоре, в «конверсационной реальности». Фундаментальной человеческой реальностью он называл «разговор, фактически не имеющий ни начала, ни конца».

Агентность в таком понимании тесно связана с позиционированием. Согласно теории позиционирования, люди в социальных взаимодействиях занимают определённые «позиции», каждая из которых несёт в себе определённые права и обязанности – именно они и определяют, какие действия являются возможными и допустимыми для человека в данной ситуации. Автономия, таким образом, не абсолютна: она всегда реализуется в рамках конкретного морального порядка, который очерчивает границы допустимых поступков.

Таким образом, Р. Харре связывает автономию со способностью человека осмысленно действовать в социальном мире, занимать позиции, использовать предоставляемые ими права и выполнять обязанности. Агентность – это не просто внутреннее качество, а интегральная характеристика человека как социального существа, проявляющаяся в его способности к целенаправленному и ответственному социальному действию [29; 30].

Многие зарубежные исследователи сходятся во мнении, что автономию следует рассматривать как признак здоровой и созревшей личности. При

этом автономия не выступает изначально присущим свойством, а представляет собой итог личностного развития. В рамках данного подхода автономный человек понимается как созидатель собственной жизни. Такая позиция обнаруживает определённое сходство со взглядами отечественных психологов, поскольку категория субъекта в российской психологии также предполагает способность личности выстраивать свой жизненный путь, выступать источником собственной активности и делать ответственный выбор.

Тем не менее, ключевое различие между подходами к автономии в российской и зарубежной психологии касается отношения к внешней детерминации. Западные психологи зачастую либо отрицают внешний детерминизм, либо противопоставляют его внутренней свободе. В противовес этому в отечественной психологической традиции сложился диалектический взгляд, согласно которому внутренние и внешние условия находятся во взаимосвязи, преобразуя друг друга в процессе совместной деятельности.

Хотя само понятие «автономия» не занимало центрального места в отечественной психологии, фундаментальные труды, на которые опираются российские исследователи, тем не менее раскрывают сущность данного феномена и механизмы его становления.

В числе первых отечественных психологов, обратившихся к проблематике автономии, был Лев Семёнович Выготский. С его точки зрения, автономия выступает продуктом социального взаимодействия и присвоения культурных средств. Исследователь указывал, что на начальных этапах развития ребёнок находится в полной зависимости от значимых взрослых. Все высшие психические функции возникают первоначально в интерпсихической (внешней) форме. Впоследствии внешние, социально обусловленные способы поведения переходят во внутренний, интрапсихический план. Ребёнок овладевает системами знаков (в первую очередь речью), которые затем начинают опосредовать все его психические

функции. Благодаря такому опосредованию у ребёнка формируется способность к осознанному управлению собственным поведением и психическими процессами [4].

Обобщая сказанное, можно заключить, что автономность в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского заключается в способности к произвольной саморегуляции через интериоризацию культурных знаков.

В работах А.Н. Леонтьева прямое понятие автономии отсутствует, однако исследователь вводит категорию субъекта, который, согласно его взглядам, представляет собой активного человека, преобразующего окружающую действительность в процессе собственной деятельности. При этом автономия личности раскрывается через способность подчинять своё поведение не ситуативным, сиюминутным воздействиям, а устойчивым смыслообразующим мотивам, занимающим высшие ступени в иерархии мотивов. Значительное внимание автор уделял тому, что деятельность должна обладать для человека личностным смыслом, соответствовать его ценностной системе [11].

Обобщая позицию А.Н. Леонтьева, можно сказать, что автономия заключается в умении действовать как субъект, опираясь на внутренние, смыслообразующие мотивы, которые придают деятельности личностный смысл и обеспечивают независимость от внешних, кратковременных влияний.

Категорию субъекта в своих трудах разрабатывает и другой отечественный психолог – С.Л. Рубинштейн. Подобно А.Н. Леонтьеву, он характеризует субъекта как человека, активно действующего в окружающем мире и через эту деятельность формирующего собственную психику.

Центральное место в работах Сергея Леонидовича занимает принцип детерминации, сформулированный им как «внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия». Согласно данному положению, любые внешние воздействия опосредуются сложной системой внутренних факторов: мотивов, установок, ценностных ориентаций. Автономия личности

при таком понимании выражается не в простом реагировании на стимулы, а в способности человека избирательно относиться к своему поведению.

В наследии С.Л. Рубинштейна можно обнаружить ещё одно понятие, созвучное феномену автономии, – самоопределение. Как полагал учёный, самоопределение представляет собой способность личности самостоятельно выбирать и выстраивать собственный жизненный путь, что невозможно без ключевого механизма – рефлексии. Именно рефлексия обеспечивает человеку возможность самонаблюдения, самоанализа, осознания своих внутренних побуждений и последствий совершаемых поступков. Благодаря рефлексии личность обретает способность к осознанному выбору и принятию ответственности за него [20].

Таким образом, суть автономии, согласно С.Л. Рубинштейну, состоит в способности человека выступать ответственным субъектом, готовым к самоопределению в системе общественных отношений, преобразовывать окружающую действительность и самого себя посредством сознательной деятельности.

Аккумулирует идеи отечественной психологии А.Г. Асмолов, в рамках историко-эволюционного подхода. Позиция Александра Григорьевича перекликается со взглядами Л.С. Выготского. Он утверждает, что личность зарождается через интериоризацию культуры, однако не сводится исключительно к ней. Человек не просто усваивает культурные нормы и образцы, но преобразует их в нечто качественно новое, включая порождение самой личности. Личность действует не только по логике «адаптации», но и вопреки ей – ради изменения окружающей действительности и достижения идеальных целей [2].

Согласно концепции А.Г. Асмолова, автономия личности представляет собой способность человека сохранять независимость от прямых средовых воздействий, совершать поступки на основе свободного и ответственного выбора, руководствуясь при этом устойчивой системой личностных смыслов и ценностей.

Согласно взглядам, сложившимся в отечественной психологии, автономия не является врождённым качеством, а формируется в ходе социального взаимодействия. Она выступает как высшая стадия развития человека, обретающего статус субъекта собственной жизни, – то есть личности, способной преобразовывать окружающую реальность, делать осознанный выбор и принимать за него ответственность, опираясь при этом на внутренние личностные смыслы и ценности.

Особого внимания заслуживает теория самодетерминации, разработанная Э. Деси и Р. Райаном. Данная концепция исходит из представления о человеке как об активном, стремящемся к развитию существе, а не о пассивном индивиде, нуждающемся во внешних стимулах. Авторы утверждали, что люди изначально обладают внутренней мотивацией к совершенствованию своих способностей и принятию новых вызовов, однако эта природная склонность может как угнетаться, так и усиливаться под влиянием социального окружения.

В основе теории лежит представление о трёх врождённых и универсальных психологических потребностях, которые служат необходимым условием для достижения психологического благополучия, сохранения мотивации и личностного роста.

Исследователи выделяют следующие потребности:

- Потребность в автономии. Автономность представляет собой естественное стремление человека ощущать себя источником собственной активности, действовать и совершать выбор в согласии со своим подлинным «Я». Автономная личность воспринимает своё поведение как соответствующее внутренним переживаниям и устремлениям.

- Потребность в компетентности. Компетентность – это нужда человека чувствовать себя умелым в деятельности, быть способным осваивать новые навыки и справляться с трудностями. Компетентная личность ощущает собственную эффективность и уверенность в достижении поставленных целей.

▪ Потребность в связанности. Связанность – это потребность в принадлежности к группе, в заботе о других членах сообщества и в ощущении собственной значимости для них. Удовлетворение данной потребности проявляется в чувстве близости с окружающими и во взаимной заботе.

Когда базовые психологические потребности оказываются удовлетворёнными, личность становится более мотивированной, творческой, устойчивой к стрессу и психически здоровой. Напротив, фрустрация этих потребностей ведёт к возникновению тревоги, депрессивных состояний, отклоняющегося поведения и иных проблем с психическим здоровьем и социальной адаптацией.

Помимо потребностей, авторы уделяют значительное внимание мотивации личности. В рамках теории самодетерминации мотивация рассматривается не через дихотомию «внешняя – внутренняя», а в виде континуума, который отражает степень автономии и источник побуждения.

Таблица 1

Уровень автономии и мотивация по Э. Деси, Р. Райану

Тип мотивации	Уровень автономии	Пример
Амотивация	Отсутствует	«Мне все равно, я не вижу смысла это делать»
Внешняя	Очень низкий	«Делаю, чтобы избежать наказания или получить награду»
Интроецированная	Низкий	«Делаю потому, что должен. В противном случае буду чувствовать вину и стыд»
Идентифицированная	Высокий	«Делаю потому, что считаю это важным»
Интегрированная	Очень высокий	«Делаю, потому что это согласуется с моими ценностями и убеждениями»
Внутренняя	Максимальный	«Делаю потому, что это интересно и приносит мне удовлетворение»

Большое место в теории отводится социальной среде, которая влияет на развитие личности через удовлетворение либо фрустрацию базовых потребностей. В данной концепции выделяются два типа социальной среды:

Поддерживающая автономию среда характеризуется тем, что окружающие человека люди объясняют важность правил и задач, предоставляют право выбора и возможности для проявления инициативы, признают чувства и точку зрения другого, дают поддерживающую обратную связь. Такие условия способствуют интериоризации мотивации, росту интереса и психологическому благополучию.

Контролирующая среда отличается тем, что окружающие прибегают к угрозам, отдают приказы без объяснения причин, а поощрение превращается в инструмент манипуляции. В подобных условиях мотивация человека подавляется, в поведении возникают реакции сопротивления либо апатия, что в долгосрочной перспективе приводит к выгоранию и психоэмоциональным нарушениям [45].

Идеи Э. Деси и Р. Райана получили продуктивное развитие в работах современных российских психологов, прежде всего в исследованиях С.Н. Костромой и её коллег, а также в подходе Н.В. Гришиной, посвящённом потенциалу самоизменений. Эти работы не отменяют классическую модель трёх базовых потребностей, но существенно дополняют её, предлагая многоуровневое понимание самодетерминации и связывая её с процессами личностного роста в разных жизненных контекстах.

Опираясь на принципы системного подхода и субъектно-деятельностную парадигму, С.Н. Костромой была предложена комплементарная модель, в которой самодетерминация предстаёт не как единое свойство, а как иерархия трёх уровней, отражающих разные грани автономии – от природных предпосылок до высших смыслов бытия.

Выделяются следующие уровни:

Уровень спонтанной самодетерминации.

Это наиболее глубинный, природный уровень, соответствующий врождённой склонности человека к активности, поиску новизны и самоорганизации. Данный уровень описывает базовую способность живых систем поддерживать равновесие со средой и проявлять инициативу без внешнего давления. Именно этот уровень в концепции Э. Деси и Р. Райана обозначен как изначальная внутренняя мотивация к совершенствованию.

Уровень целенаправленной самодетерминации.

На этом уровне включаются сознательные механизмы: постановка целей, планирование действий, волевое усилие и осознанный выбор. Человек не просто испытывает внутреннее побуждение – он способен организовать свою активность для достижения значимых результатов. Данный уровень тесно связан с потребностью в компетентности, но выводит её за рамки ситуативной умелости, придавая ей долгосрочный и осмысленный характер.

Уровень смысловой самодетерминации.

Высший уровень, где самодетерминация проявляется как способность к ценностной и нравственной саморегуляции. Это умение человека выстраивать жизнь в соответствии с глубинными личными смыслами, подчинять сиюминутные желания экзистенциальному выбору. Именно здесь рождается то, что можно назвать «автономией личности» в полном смысле слова – поведение, согласованное с подлинным «Я» даже в ситуации внешнего давления.

Важно отметить, что все три уровня не существуют изолированно. Они образуют непрерывный континуум – от природных импульсов до осмысленных жизненных стратегий. Подобно тому, как Э. Деси и Р. Райан рассматривали мотивацию не как дихотомию, а как градуированную шкалу, отечественная модель предлагает смотреть на самодетерминацию как на многомерное явление, где каждый уровень может быть поддержан или подавлен социальной средой [10].

Оригинальная теория самодетерминации сосредоточена на условиях, способствующих внутренней мотивации, то в своих работах Н.В. Гришина

смещает акцент на процессуальный аспект – как личность инициирует и поддерживает собственные изменения на протяжении жизни. Центральным в её подходе становится понятие потенциала самоизменений.

Согласно Н.В. Гришиной, этот потенциал включает в себя три взаимосвязанные способности:

- способность распознавать вызовы ситуации и собственную потребность в изменениях;
- готовность принять эту потребность, не впадая в тревогу или отрицание;
- готовность действовать в соответствии с изменениями, проявляя реальную самодетерминацию [5].

Таким образом, самодетерминация понимается не как статичное качество, а как динамический механизм, обеспечивающий гибкость, адаптивность и личностный рост в постоянно меняющихся жизненных обстоятельствах. Это созвучно исходному тезису Э. Деси и Р. Райана о человеке как об «активном, стремящемся к развитию существе» – но дополняет его представлением о том, что даже при удовлетворённых базовых потребностях личности требуется особая «готовность к самоизменению», которая может варьироваться у разных людей.

Проведённый анализ отечественных и зарубежных подходов к пониманию автономии свидетельствует о многообразии её трактовок: от морально-интеллектуальной независимости и психосоциального новообразования до неотъемлемой характеристики самоактуализирующейся личности и духовной свободы. В российской традиции автономия раскрывается через категории субъекта, самоопределения и интериоризации культурных средств.

Теория самодетерминации позволяет не только диагностировать степень автономии личности через континуум типов мотивации, но и выявлять конкретные параметры психологической поддержки, необходимые для автономии в подростковом возрасте. Кроме того, теория

самодетерминации органично дополняется современными отечественными разработками, что даёт возможность адаптировать западную концепцию к российской научной традиции. Следовательно, выбор теории самодетерминации в качестве методологической основой дипломной работы обоснован её объяснительным потенциалом в контексте профилактики девиантного поведения, ориентацией на социальные условия поддержки автономии и возможностью эмпирического изучения механизмов, связывающих автономии с поведенческими исходами в подростковом возрасте.

1.3. Особенности автономии у подростков с девиантным поведением

Перед тем, как рассматривать особенности автономии девиантных подростков, необходимо дать характеристику данному возрастному периоду. В научной литературе подростковый возраст определяется как этап онтогенетического развития, охватывающий период от 10–11 до 18 лет включительно. Принято подразделять его на два подпериода: младший подростковый возраст (от 10–11 до 14 лет) и старший подростковый возраст (от 15 до 18 лет).

Одной из ключевых характеристик старшего подросткового возраста является возрастающая значимость тесных эмоциональных контактов, снижение роли семьи и повышение значимости сверстников. Вместе с тем семья продолжает играть существенную роль в жизни подростка, что обусловлено его физической зависимостью от семейного окружения и отсутствием полной автономии личности. Социальное взаимодействие со сверстниками представляет собой воспроизведение моделей поведения и отношений, существующих в мире взрослых и, как правило, усвоенных в семье и ближайшем окружении [19].

Автономия выступает одним из ключевых приобретений подросткового возраста. В подростковом возрасте, согласно концепции

Д.А. Леонтьева происходит интеграция свободы и ответственности на основе которых формируется способность к самодетерминации.

Автор выделял несколько путей развития, которые могут сформироваться у подростка в зависимости от степени интеграции свободы и ответственности:

1. Симбиотический

Характеризуются неустойчивой, часто негативная самооценка, сильно зависящая от внешней оценки. Решения принимаются на основе навязанных внешне критериев, а ответственность ощущается за реализацию не своих, а чужих ценностей. Такие люди часто выбирают стратегию «осознанная пассивность» – человек осознанно подстраивается под ожидания окружающих, отказываясь от собственной свободы.

Формируется при сочетании высокой ответственности сочетается с низкой свободы.

2. Автономный

Данный тип характеризуется устойчивой положительной самооценкой, опорой на собственные внутренние ценности при выборе, принятие личной ответственности за результаты своих действий.

Люди данного типа придерживаются стратегии «ответственная активности» – при которой человек ощущает себя автором собственной жизни, следуя собственным ценностям.

Формируется при высокой интеграции находящихся в гармонии свободы и ответственности.

3. Импульсивный

Характеризуется неустойчивое, размытым самоотношением. Решения часто принимаются на основе внутренних критериев, но человек при этом не чувствует связи между своими действиями и их результатами, считая их независимыми от собственных усилий.

Такие люди часто следуют стратегии «неосознанная активность» – человек активен и деятелен, но его действия хаотичны, он легко поддается манипуляциям, так как не прослеживает последствий своих поступков

Формируется при высокой свободе, но низкой ответственности.

4. Комфорный

Характеризуется неустойчивой самооценкой, практически полной опорой на внешние ориентиры при принятии решений. Главное желание – «заслужить» признание и соответствовать ожиданиям.

Люди данного типа часто придерживаются стратегии «неосознанная пассивность». Человек успешно адаптируется к среде, но занимает при этом страдательную позицию, не проявляя инициативы

Именно формирование способности к самодетерминации на основе интеграции свободы и ответственности определяет успешность прохождения этого жизненного этапа и закладывает основу для всей будущей жизни человека как зрелой и самостоятельной личности [12].

Аффективная сфера личности подростка отличается неустойчивостью. Самооценка в данном возрасте нестабильна, а настроение характеризуется непостоянством и изменчивостью. К завершению подросткового периода ситуация трансформируется: самооценка приобретает большую устойчивость, эмоциональная сфера становится стабильной. Подросток начинает более объективно оценивать собственные потребности и возможности, у него возникает потребность в самоутверждении и уважении со стороны окружающих. Вследствие этого происходит активное формирование мировоззрения и системы ценностей, выражающих отношение подростка к себе, другим людям и миру в целом [20; 34]

Следует отметить, что в старшем подростковом возрасте происходят значительные изменения в смысловой сфере личности. В этот период подростки сталкиваются с новыми социальными ролями и сопряженной с ними ответственностью. Указанные обстоятельства приводят к формированию новых, а также переосмыслению и трансформации прежних

смысловых установок и ценностей. Подобные изменения происходят благодаря приобретению нового жизненного опыта [34].

Стремление осмыслить новую социальную роль, собственную взрослость и сопряженную с ней ответственность становится важным аспектом динамики смысловой сферы личности в старшем подростковом возрасте. Подростки начинают экспериментировать с различными способами взаимодействия, общения и деятельности, что, в свою очередь, приводит к развитию и трансформации их смысловой сферы [27].

Значительную роль играет общение, которое выступает основным пространством для получения новой информации, моделирования поведения, усвоения социальных норм и ценностей. В процессе общения подростки овладевают навыками взаимодействия с окружающими, адаптируются к культурным и социальным изменениям, а также обогащают собственные смысловые структуры [34].

Все перечисленные особенности приводят к возникновению автономии. Автономия в старшем подростковом возрасте характеризуется сдвигом от поведенческой эмансипации к когнитивной и ценностной саморегуляции. Подросток переходит от импульсивного отрицания правил к осознанному осмыслению внешних норм, их добровольному принятию либо отрицанию. Молодой человек становится способным аргументировать собственную позицию и действовать в соответствии с личными приоритетами. Указанные изменения становятся возможными благодаря развитию рефлексии и возникновению способности рефлексировать над собственными мыслительными процессами.

Автономия проявляется в том, что ценностно-смысловая сфера подростка перестает быть результатом некритического заимствования или отрицания норм, а становится следствием глубокого осмысления. Данные изменения трансформируют отношения молодого человека с родителями: правила устанавливаются не в одностороннем порядке, а посредством

переговоров и взаимных уступок, основанных на признании прав и обязанностей обеих сторон.

В старшем подростковом возрасте завершается эмоциональная сепарация от родителей. Молодые люди в данный период не дистанцируются от родителей, а формируют взрослую дистанцию и эмоциональную самодостаточность, сохраняя при этом глубокую эмоциональную связь. Родители воспринимаются уже не как единственный источник эмоциональной поддержки, а как советчики и партнеры в решении сложных жизненных задач. Центр интимно-личностного общения смещается в сторону дружбы и романтических отношений [34].

В старшем подростковом возрасте происходит усиление интернальности, что проявляется в объяснении подростком причин собственных успехов и неудач. Подросток начинает связывать их с факторами, зависящими от него (усилия, способности, подготовка), а не с внешними обстоятельствами (незвезение, сложность задания, необъективность учителя) [47].

Одной из особенностей, влияющих на становление автономии, является структурирование временной перспективы. Данная особенность проявляется в том, что молодой человек приобретает способность к реалистичному планированию и целеполаганию. В отличие от младшего подросткового возраста, в старшем подростковом возрасте индивид способен ставить более конкретные цели с выстраиванием конкретных шагов по их достижению. Формируется устойчивая временная перспектива, объединяющая прошлое, настоящее и будущее [27; 34].

Областью, в которой автономия подростка обретает конкретное предметное наполнение, выступает личностное самоопределение, способствующее достижению конгруэнтности [47].

Вышеописанные особенности открывают подростку возможность перейти на одни из самых высоких уровней мотивации (идентифицированный и интегрированный).

Однако при фрустрации потребностей подростка возникают риски появления различных проблем, которые могут выражаться в психоэмоциональных нарушениях, отклоняющемся поведении и общем психологическом неблагополучии.

Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана предоставляет целостную, эмпирически верифицируемую модель, в которой автономия рассматривается как одна из трёх универсальных врождённых психологических потребностей. Ключевым для профилактики девиантного поведения является положение о том, что фрустрация потребности в автономии в контролирующей среде (угрозы, приказы без объяснения, манипуляции поощрением) порождает реакции сопротивления, апатию, а в долгосрочной перспективе – поведенческие нарушения, включая девиации. Напротив, среда, поддерживающая автономию (признание чувств и точки зрения подростка, предоставление выбора, объяснение правил и поддерживающая обратная связь), способствует интериоризации мотивации, росту психологического благополучия и выступает действенным условием профилактики отклоняющегося поведения.

Автономия у девиантных подростков – это сложный и противоречивый феномен. Научные работы рисуют картину не просто задержки развития, а его глубокого искажения, имеющего как психологические, так и социальные корни. Внешне стремясь к независимости, такие подростки на деле часто демонстрируют незрелую личностную позицию [50; 52; 53].

В отличие от здоровой автономии, предполагающей ответственность и самоконтроль, у подростков с девиантным поведением она часто принимает форму «негативной автономии» или «свободы от».

Это означает, что особенности их автономии в первую очередь заключается в освобождении от родительского контроля, правил и обязательств, но при этом у них не сформированы внутренние механизмы для управления собственной жизнью [50].

На психологическом уровне искаженная автономия проявляется в виде нескольких ключевых дефицитов:

В работах Д.В. Сапега и Н.В. Богданович показано, что у девиантных подростков значительно хуже развита субъектность – системное качество личности, которое делает человека активным, самостоятельным и ответственным автором своей жизни. У них страдают такие компоненты субъектности, как автономность, целостность, самоценность и опосредованность (способность действовать не импульсивно, а в соответствии с осознанными целями и ценностями) [46].

У девиантных подростков низкий общий уровень самоорганизации по сравнению с их сверстниками. При этом чем ниже способность к планированию и самоконтролю, тем выше вероятность проявления различных форм девиантного поведения: от агрессивного и суицидального до зависимого.

В отличие от распространенного мнения о бунтарстве, теория самодетерминации показывает, что в основе девиантного поведения подростков часто лежит глубокий дефицит подлинной автономии. Подростки действуют не из чувства внутренней свободы, а под влиянием внешнего давления или внутренних конфликтов.

Теория самодетерминации проводит четкую границу между истинной автономией и формальной независимостью. Исследования доказывают, что феномены по-разному влияют на поведение подростков:

Независимость: Это способность действовать без посторонней помощи. Парадоксально, но научные работы выявили ее прямую связь с проблемным поведением: чем чаще подросток принимает решения единолично, тем выше вероятность его вовлечения в различные формы девиаций. Простая независимость без опоры на внутренние ценности часто оборачивается саморазрушительными поступками.

Истинная автономия – это поведение, которое человек ощущает как свой добровольный и осознанный выбор, даже если он последовал чьему-то

совету. Исследования подтверждают, что такая внутренне ощущаемая автономия, напротив, является залогом психологического благополучия и адаптивного поведения [45].

Подростки с девиантным поведением часто находятся в порочном круге, где ключевые психологические потребности не просто не удовлетворяются – они фрустрируются.

Масштабное исследование с участием 1 472 подростков (в возрасте от 12 до 21 года), проведенное С. Ван Петегеми с коллегами, продемонстрировало, что контролирующий стиль воспитания со стороны родителей вызывает у подростков чувство фрустрации потребности в автономии – мотивацию восстановить утраченную свободу любой ценой. В свою очередь, протест напрямую связан как с внешними проблемами (агрессия, непослушание), так и с внутренними (тревожность, депрессия) [50].

Даже совершая серьезные проступки, подростки не обязательно делают это с холодной головой. Их мотивация часто характеризуется как перенятая от других. Это означает, что они действуют под давлением внутренних обязательств, чтобы избежать чувства вины или стыда, сохранить уважение к себе или членство в значимой для них группе сверстников, а не потому, что сами искренне этого хотят. Это пример крайне низкого уровня подлинной автономии [45].

Можно выделить несколько последствий, возникающих при фрустрации потребности в автономии у подростка:

– Псевдоавтономия – заключается в следовании «навязанному» извне выбору. Человек, находящийся в данном состоянии, не способен принимать самостоятельные решения, а его потребность в автономии остается фрустрированной [49].

– Диффузия автономии – заключается в склонности личности избегать ситуаций выбора. Подросток, испытывающий подобную проблему, может просить «год отдыха» после окончания школы и всячески избегать, откладывая момент принятия важных решений [51].

– Снижение внутренней мотивации – проявляется в том, что личность начинает воспринимать ситуацию выбора не как возможность реализации собственных ценностей, а как непосильное бремя [47].

– Риск экстернального локуса контроля – характеризуется тем, что подросток склонен объяснять причины своих неудач и успехов внешними обстоятельствами, а не зависящими от него условиями [37].

– Эмоциональное неблагополучие – фрустрация потребности в автономии может приводить к возникновению различных форм эмоционального неблагополучия, таких как повышенная тревожность, выученная беспомощность, трудности с формированием идентичности и др. В отдельных случаях возможно развитие различных психических расстройств [41].

– Проявления неконструктивной автономии – выражаются в том, что личность компенсирует фрустрированную потребность в автономии через различные формы бунта и деструктивного поведения. В ряде случаев это может стать условием возникновения отклоняющегося поведения [43].

Научные данные подтверждают: девиантное поведение часто является неадекватной попыткой удовлетворить базовые, эволюционно обусловленные психологические потребности – в автономии, компетентности и связанности. Когда подросток не может реализовать эти потребности в школе или семье, он ищет их в другом месте, например, в деструктивных группах, которые предлагают ему деструктивные пути удовлетворения данных потребностей.

Следовательно, эффективная профилактика и коррекция девиантного поведения должны быть направлены не на тотальное подавление «своеволия», а на создание среды, поддерживающей автономию в ее истинном понимании. Подростковую потребность в независимости необходимо не игнорировать, а наполнять просоциальным содержанием, поощряя самодетерминированное поведение через предоставление выбора, уважение к точке зрения и поддержание внутренней мотивации.

Вывод по Главе 1

В первой главе были рассмотрены теоретические основы изучения поддержки автономии как условия профилактики девиантного поведения старших подростков.

Девиантное поведение представляет собой сложный и многогранный феномен, объяснение которого в психологии осуществляется в рамках различных подходов. Психодинамический, бихевиористский, экзистенциально-гуманистический, когнитивный и позитивно-психологический подходы по-разному раскрывают причины отклоняющегося поведения, однако, объединяет их признание того, что девиации возникают не случайно, а являются следствием нарушения взаимодействия личности со средой, внутриличностных конфликтов, дефицита саморегуляции, фрустрации значимых потребностей или искажённого восприятия действительности.

Особое значение для настоящего исследования имеет структурно-динамический подход, позволяющий рассматривать девиантное поведение не только как результат индивидуальных особенностей подростка, но и как следствие неблагоприятного взаимодействия социальных, ценностных и психологических факторов. Данный подход наиболее полно отражает сложную природу девиаций и создаёт теоретическую основу для анализа профилактики отклоняющегося поведения через изменение условий развития личности.

В ходе анализа представлений об автономии было установлено, что в зарубежной и отечественной психологии это понятие рассматривается как важнейшая характеристика зрелой личности, связанная с саморегуляцией, ответственностью, внутренней опорой, способностью к свободному выбору и осознанному действию. В трудах Ж. Пиаже, Э. Эриксона, А. Маслоу, К. Роджерса, В. Франкла, Р. Харре, Э. Деси, Р. Райана, а также отечественных исследователей (Д.А. Леонтьев, С.Н. Костромина и др.) автономия

трактуются как переход от внешней регуляции к внутренней, как способность действовать в соответствии с собственными ценностями и смыслами. Наиболее продуктивной для решения задач данной работы оказалась теория самодетерминации, согласно которой автономия является базовой психологической потребностью и необходимым условием психологического благополучия.

В рамках теории самодетерминации было показано, что фрустрация потребности в автономии, особенно в подростковом возрасте, приводит к росту напряжения, сопротивлению, снижению внутренней мотивации и повышению риска девиантных форм поведения. Напротив, поддержка автономии со стороны значимого социального окружения способствует интериоризации норм, развитию самоконтроля, ответственности и более зрелых форм саморегуляции. Таким образом, автономия в настоящем исследовании рассматривается не как независимость от других людей, а как переживание себя субъектом собственной активности, свободы выбора и личной ответственности.

Изучение особенностей автономии у старших подростков позволило выявить, что данный возраст является сензитивным периодом для формирования автономии. Для него характерны рост рефлексии, усиление интернальности, развитие временной перспективы, стремление к личностному самоопределению и изменение характера отношений с родителями и сверстниками. В то же время именно в этот период возрастает уязвимость подростка к внешнему давлению, что при неблагоприятных условиях может приводить к фрустрации потребности автономии и формированию девиантных тенденций. У подростков с отклоняющимся поведением автономия нередко носит формальный или псевдоавтономный характер и не опирается на устойчивые ценности и ответственность, что делает их особенно чувствительными к негативному влиянию среды.

Таким образом, теоретический анализ подтвердил, что поддержка автономии может выступать значимым условием профилактики девиантного

поведения старших подростков. Однако эмпирических данных подтверждающих гипотезу мало.

Поддержка автономии способствует развитию внутренней мотивации, осознанного выбора, саморегуляции и устойчивой личностной позиции, что снижает вероятность формирования деструктивных форм поведения подростка. Полученные теоретические выводы обосновывают необходимость эмпирической проверки данной взаимосвязи и разработки специальной программы, направленной на поддержку автономии как ресурса профилактики девиантного поведения.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОДДЕРЖКУ АВТОНОМИИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

2.1. Организация и методы исследования

Для проверки гипотезы, что в старшем подростковом возрасте психологическая поддержка автономии является значимым условием профилактики девиантного поведения, было проведено эмпирическое исследование, включающее несколько этапов.

На первом этапе в январе 2026 г. были отобраны подростки мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет, относящихся к группе риска по результатам ежеквартальной диагностики в одной из образовательных организаций и Центра семьи города Норильска.

В качестве респондентов в исследовании были привлечены только подростки мужского пола. Данное решение обусловлено, во-первых, спецификой базы исследования: в учреждениях, на базе которых осуществлялся сбор эмпирических данных, число девушек, состоявших на учете, было недостаточным для формирования сопоставимой и статистически валидной выборки. Во-вторых, включение респондентов обоих полов при выражено неравномерном распределении по полу могло бы привести к искажению результатов и затруднить интерпретацию выявленных закономерностей. В связи с этим для обеспечения однородности выборки и повышения надежности анализа в исследование были включены только подростки мужского пола.

В совокупности в исследовании приняли участие 50 подростков относящихся к группе риска.

Для уточнения степени выраженности дезадаптации и девиантного поведения у подростков, принимающих участие в исследовании, проведена методика «Склонность к девиантному поведению» (СДП) Э.В. Леуса, А.Г. Соловьева. Данная методика предназначена для оценки степени

выраженности дезадаптации у подростков с различными видами девиантного поведения.

Результаты диагностики представлены в виде пяти шкал. Первая шкала отражает приверженность нормам референтной группы, остальные четыре шкалы показывают степень склонности к различным формам девиантного поведения: зависимого, самоповреждающего, агрессивного, делинквентного. По каждой шкале можно вывести низкое, среднее и высокое значение.

По результатам диагностики у каждого подростка оценивалось совокупность форм девиантного поведения. И в зависимости от выраженности девиантного поведения по каждой шкале методики подростки были разделены на три группы риска по степени выраженности девиантного поведения:

- с низкой выраженностью девиантного поведения – подростки, демонстрирующие исключительно низкие показатели по всем четырём шкалам;
- со средней выраженностью девиантного поведения – подростки, имеющие средний показатель минимум по одной шкале (при отсутствии высоких показателей по какой-либо из шкал);
- с высокой выраженностью девиантного поведения – подростки, у которых хотя бы по одной из шкал зафиксирован высокий показатель.

Для выявления автономного функционирования в рамках теории самодетерминации проведена методика «Индекс автономного функционирования» (IAF) Н. Вайстеина, Р. Райна в адаптации С.Н. Костроминой, Л.А. Даринской, Н.Л. Москвичёвой, А.Ф. Филатовой. Индекс автономного функционирования – это интегральный показатель, отражающий степень, в которой поведение человека является самоиницируемым и волевым, а не навязанным внешними или внутренними силами. В методике представлены 4 шкалы. Первая шкала отражает общий индекс автономного функционирования, оставшиеся три шкалы отражают

три основных компонента автономии: авторство, заинтересованность и восприимчивость к контролю.

Результаты по двум методикам были сопоставлены для выявления оценки взаимосвязи с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Этот коэффициент позволяет измерить силу и направление связи между двумя ранжированными рядами данных – особенно в случаях, когда данные распределены неравномерно или имеют качественную природу.

На втором этапе в январе 2026 г. первоначальная выборка методом расщепления была разделена на две подгруппы: для обеспечения эквивалентности двух итоговых групп по выраженности девиантного поведения. Исходная выборка была предварительно разделена на три подгруппы в зависимости от выраженности девиантного поведения (низкий, средний, высокий). Далее из каждой подгруппы в равной пропорции отбирались респонденты в первую и во вторую подгруппы. В результате в каждой из двух полученных подгрупп оказалось одинаковое количество участников с низкой, средней и высокой выраженностью девиантного поведения. Одна группа подростков принимала участие в программе (далее эту группу мы будем обозначать как экспериментальную), другая выступала группой сравнения (далее – контрольная группа).

В контрольной группе продолжалась профилактическая работа по утвержденным учреждениями программам. В экспериментальной группе дополнительно реализовывалась программа, направленная на поддержку автономии.

С января по апрель 2026 г. была реализована программа, направленная на повышение автономии старших подростков в экспериментальной группе.

На третьем этапе (апрель 2026 г.) по завершению программы с подростками двух групп была проведена повторная диагностика по методикам «Склонность к девиантному поведению» (СДП) и «Индекс автономного функционирования» (IAF).

Относительно полученных результатов был проведен сравнительный анализ результатов до и после проведения программы у двух групп. До проведения программы осуществлялось сравнение результатов по методике «Индекс автономного функционирования» у двух групп до проведения программы с помощью критерия Манна-Уитни. Подсчет значимости сдвига между результатами до проведения программы и после производился с помощью критерия Вилкоксона в экспериментальной и контрольной группах.

2.2. Анализ результатов диагностики автономии и склонности к девиантному поведению у старших подростков

Рассмотрим результаты по методике «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леуса, А.Г. Соловьева по шкалам по всем 50 старшим подросткам, принявших участие в исследовании.

Таблица 2

Среднегрупповой показатель по шкалам методики «Склонность к девиантному поведению» по всей выборке старших подростков

Шкала	Среднегрупповое значение	Стандартное отклонение
Делинквентное	15,6	6,04
Адиктивное	11,52	4,96
Агрессивное	13,92	6,55
Аутоагрессивное	9,22	4,98

Результаты, представленные в таблице 2, позволяют охарактеризовать общий профиль девиантных тенденций в выборке, состоящей из 50 респондентов. Оценка осуществлялась по четырём шкалам, каждая из которых имеет единую метрику: от 1 до 10 баллов – низкая степень выраженности, от 11 до 20 – средняя выраженность, от 21 до 30 – высокая.

Более высокий средний балл по сравнению с другими шкалами зафиксирован по шкале делинквентного поведения. Данное значение соответствует среднему уровню, однако располагается в верхней его трети, что свидетельствует о заметной склонности части выборки к нарушению

социальных и правовых норм. Стандартное отклонение 6,04 указывает на существенный разброс индивидуальных результатов: при нормальном распределении примерно 16% участников имеют показатели выше 21,64 (то есть попадают в высокий диапазон), в то время как другая часть демонстрирует низкие или пограничные значения.

По шкале агрессивного поведения получено среднее значение 13,92. Формально этот результат также относится к среднему уровню, однако обращает на себя внимание максимальное среди всех шкал стандартное отклонение. Высокая вариативность означает, что выборка неоднородна по склонности к агрессии: наряду с респондентами, демонстрирующими нормативный или низкий уровень, присутствуют лица с выраженными агрессивными реакциями, приближающимися к высокому диапазону.

Аддиктивное поведение характеризуется средним баллом 11,52. Этот показатель лишь незначительно превышает нижнюю границу среднего диапазона, что позволяет интерпретировать общую тенденцию как слабо выраженную склонность к аддикциям. Стандартное отклонение здесь наименьшее, что указывает на относительную однородность ответов: большинство респондентов концентрируется вокруг значений 11–12, и лишь незначительная часть выборки демонстрирует повышенный риск зависимого поведения.

Аутоагрессивное поведение является единственной шкалой, средний балл по которой попадает в диапазон низкой выраженности (1–10). Это свидетельствует о том, что в целом по выборке не наблюдается склонности к самоповреждающим действиям, суицидальным мыслям или аутоагрессивным паттернам. Тем не менее, стандартное отклонение 4,98 указывает на наличие отдельных респондентов, чьи показатели превышают 14,2 балла, что соответствует уже средней выраженности. Такие случаи требуют индивидуального внимания, однако в групповой картине аутоагрессия не является характерной чертой.

Сравнивая четыре формы девиантного поведения, можно заключить, что в обследованной группе наиболее выраженным является делинквентное поведение, за ним следуют агрессивная и аддиктивная формы девиантного поведения, тогда как аутоагрессивные проявления минимальны. Высокие значения стандартных отклонений по шкалам делинквентного и агрессивного поведения говорят о том, что в выборке представлены как социально адаптированные индивиды, так и лица, находящиеся в зоне повышенного риска формирования девиантного поведения.

Рассмотрим результаты, полученные по «Индекс автономного функционирования» (IAF) Н. Вайстеина, Р. Райна в адаптации С.Н. Костроминой, Л.А. Даринской, Н.Л. Москвичёвой, А.Ф. Филатовой по всей выборке подростков.

Таблица 3

Среднегрупповые показатели по шкалам методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) по всей выборке

Шкалы	Среднегрупповое значение	Стандартное отклонение
Индекс автономного функционирования	3,5	0,68
Авторство	3,4	0,33
Заинтересованность	3,3	0,36
Восприимчивость к контролю	3,1	0,38

Результаты оценки автономного функционирования показали, что в выборке в целом преобладает умеренный уровень автономии.

Наиболее высокие значения зафиксированы по шкале авторство, что свидетельствует о способности респондентов осознавать себя инициаторами собственных действий. Показатель «Заинтересованность» также находится в зоне средних значений. Наименьший балл получен по шкале восприимчивость к контролю, что указывает на сниженную готовность учитывать внешнюю обратную связь и требования окружения. Все стандартные отклонения относительно невысоки, что говорит об однородности выборки по параметрам автономного функционирования.

В последующем вся выборка была разделена на три группы риска по степени выраженности девиантного поведения:

- с низкой выраженностью девиантного поведения – подростки, демонстрирующие исключительно низкие показатели по всем четырём шкалам – 14% от всей выборки;

- со средней выраженностью девиантного поведения – подростки, имеющие средний показатель минимум по одной шкале (при отсутствии высоких показателей по какой-либо из шкал) – 66% от всей выборки;

- с высокой выраженностью девиантного поведения – подростки, у которых хотя бы по одной из шкал зафиксирован высокий показатель – 20 % от всей выборки.

Рассмотрим среднегрупповые показатели по выделенным группам с разной выраженностью девиантного поведения.

Таблица 4

Среднегрупповые показатели по шкалам методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) в группах с разной степенью выраженности девиантного поведения

Степень выраженности девиантного поведения	Формы девиантного поведения			
	делинквентное	адиктивное	агрессивное	аутоагрессивное
Низкая	7,57	7,14	6,71	8,29
Средняя	15,03	11,67	13,72	7,75
Высокая	20,9	14,1	19,6	14,7

Представленная таблица позволяет выделить, как соотносятся между собой различные формы девиантного поведения у респондентов с низкой, средней и высокой степенью выраженности девиантного поведения.

Подгруппа с низкой общей выраженностью девиантного поведения (средние баллы по шкалам находятся в диапазоне от 6,71 до 8,29). Все четыре показателя соответствуют низкому уровню (1–10 баллов). Обращает на себя внимание, что наиболее высокий средний балл в этой группе приходится на аутоагрессивное поведение (8,29), а наиболее низкий – на агрессивное (6,71)

и аддиктивное (7,14). Делинквентное поведение занимает промежуточное положение (7,57). Таким образом, даже у респондентов с общей низкой девиантностью более высокие значения (в рамках низкого диапазона) наблюдаются по аутоагрессивной шкале, что может свидетельствовать о том, что отдельные мысли или действия аутоагрессивного характера встречаются у данной категории несколько чаще, чем другие формы девиаций, хотя и остаются в нормативных пределах.

Подгруппа со средней выраженностью девиантного поведения демонстрирует более дифференцированные результаты. Показатели по делинквентному (15,03), аддиктивному (11,67) и агрессивному (13,72) поведению находятся в среднем диапазоне (11–20), тогда как аутоагрессивное поведение (7,75) остаётся в низком диапазоне. Наиболее высокое значение в этой подгруппе зафиксировано по шкале делинквентности (15,03), за ней следует агрессия (13,72). Аддиктивные тенденции выражены слабее (11,67 – у нижней границы среднего). Этот профиль свидетельствует о том, что при нарастании общего уровня девиантности в первую очередь повышаются показатели делинквентности и агрессии, тогда как аутоагрессия остаётся на низком уровне, а аддикция повышается незначительно.

Подгруппа с высокой общей выраженностью девиантного поведения характеризуется наиболее высокими средними баллами по всем шкалам. Делинквентное поведение достигает 20,9 балла, что практически соответствует высокому уровню (21–30). Агрессивное поведение составляет 19,6 балла – верхняя граница среднего диапазона, близкая к высокому. Аддиктивное поведение (14,1) находится в средней зоне, но значительно выше, чем в предыдущих группах. Аутоагрессивное поведение (14,7) также поднимается до среднего уровня, в отличие от двух других подгрупп, где оно было низким. Важно отметить, что в группе высокой девиантности наиболее выраженной формой является делинквентность, затем практически на одном

уровне следуют агрессия и аутоагрессия, а аддикция выражена несколько слабее, хотя и превышает показатели других групп.

Сравнительный анализ шкал между подгруппами показывает, что все четыре шкалы демонстрируют рост средних значений, в зависимости от подгруппы. Однако наибольшая разница наблюдается между значениями по шкалам делинквентность и агрессия. Данный факт указывает на то, что делинквентность и агрессия являются наиболее чувствительными маркерами общего уровня девиантности: именно они в наибольшей степени дифференцируют группы с разной степенью выраженности девиантного поведения.

В подгруппе с высоким значением по шкале аутоагрессивное поведение, которое в двух других группах оставалось на низком уровне (8,29 и 7,75), поднимается до 14,7 балла, входя в средний диапазон. Это может свидетельствовать о том, что выраженные девиантные тенденции (особенно делинквентные и агрессивные) часто сочетаются с повышенным риском аутоагрессии.

Полученные результаты подтверждают, что разделение выборки на подгруппы по общему уровню девиантного поведения является содержательным: каждая подгруппа имеет специфический профиль. Респонденты из первой подгруппы характеризуются равномерно низкими показателями по всем шкалам; в средней подгруппе – заметным повышением по шкалам делинквентное и агрессивное поведение, при сохранении низкой аутоагрессии; с высокой – выраженным ростом всех форм девиаций, особенно делинквентной и агрессивной, а также выходом аутоагрессии на средний уровень.

Представим результаты по методике «Индекс автономного функционирования» (IAF) в группах по степени выраженности девиантного поведения.

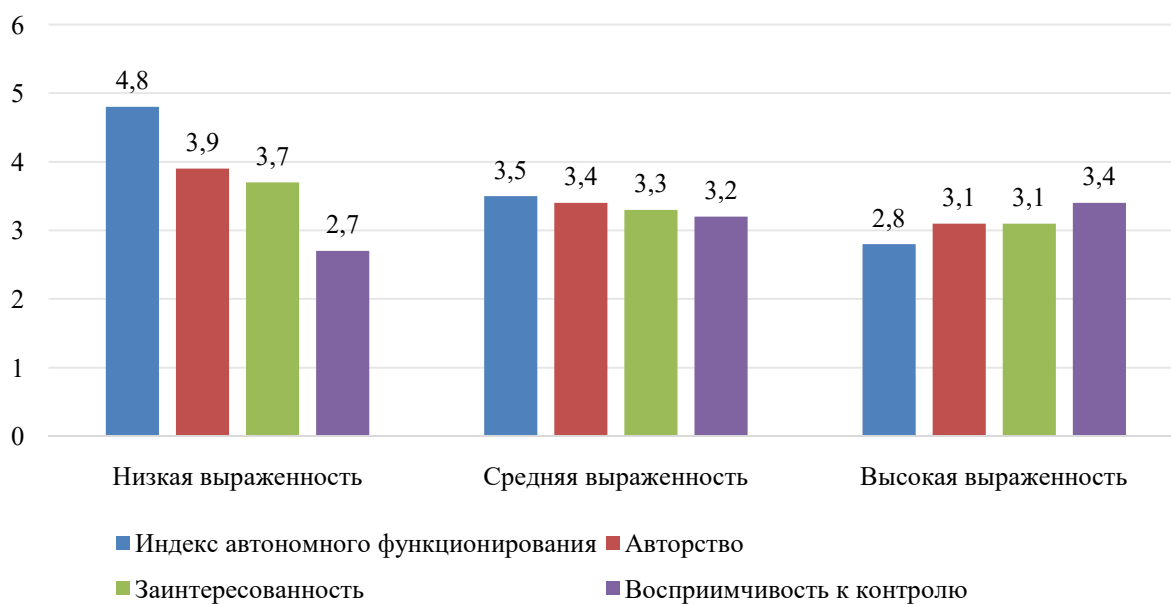

Рис. 1. Среднегрупповые значения по методике «Индекс автономного функционирования» (IAF) по группам с разной степенью выраженности девиантного поведения

Анализ показателей автономного функционирования в подгруппах с разной выраженностью девиантного поведения выявил тенденцию. Интегральный индекс автономного функционирования монотонно снижается от группы низкой девиантности (4,8) к группе высокой девиантности (2,8). Аналогично, показатели «Авторство» и «Заинтересованность» также уменьшаются – с 3,9 до 3,1 и с 3,7 до 3,1 соответственно. Напротив, шкала «Восприимчивость к контролю» демонстрирует следующие различия: от 2,7 в группе низкой девиантности до 3,4 в группе высокой девиантности.

Таким образом, респонденты с выраженным девиантным поведением характеризуются сниженной способностью к саморегуляции и автономии, низким ощущением себя автором собственной жизни и низкой внутренней вовлечённостью, при этом они более восприимчивы к внешнему контролю. Полученные данные позволяют рассматривать фрустрацию автономии как фактор риска формирования девиантного поведения, а также может указывать на необходимость развития у данной категории навыков

самостоятельного целеполагания и внутреннего локуса контроля в профилактической работе.

Для оценки данной тенденции был проведен корреляционный анализ полученных результатов во всей выборке с использованием коэффициента Спирмена.

Далее рассмотрим взаимосвязь между шкалами методик «Индексом автономного функционирования» и шкалами методики «Склонность к девиантному поведению».

Таблица 5

Корреляционные связи между шкалами опросников «Индекс автономного функционирования» и «Склонность к девиантному поведению»

Шкалы	Делинквентное	Аддиктивное	Агрессивное	Аутоагрессивное
Индекс автономного функционирования	-0,76***	-0,71***	-0,73***	-0,17
Авторство	-0,64***	-0,43**	-0,60***	-0,19
Заинтересованность	-0,37**	-0,45**	-0,48***	0,09
Восприимчивость к контролю	0,44**	0,45**	0,33*	0,23

*Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$*

Как видно из таблицы 5, интегральный индекс автономного функционирования имеет сильные отрицательные связи с делинквентным, аддиктивным и агрессивным поведением. Это свидетельствует о том, что высокая личностная автономия выступает мощным фактором, сдерживающим внешние формы девиаций. Корреляции с аутоагрессивным поведением оказались слабыми и незначимыми.

Шкала «Авторство» также обнаружила заметные отрицательные связи с делинквентным и агрессивным поведением, а шкала «Заинтересованность» – умеренные отрицательные связи со всеми формами девиаций, за исключением аутоагрессивного поведения.

Наиболее интересный результат получен по шкале «Восприимчивость к контролю»: выявлены положительные корреляции с делинквентностью, аддикцией и агрессией. Таким образом, высокая восприимчивость к

внешнему контролю в данной выборке сопряжена с большей выраженностью девиантного поведения, что может объясняться высокой конформностью индивидов и их податливостью влиянию асоциального окружения.

Полученная картина корреляций подтверждает вывод о том, что низкая автономия и, особенно, низкий интегральный индекс автономного функционирования являются значимыми предикторами девиантного поведения, тогда как аутоагрессия не связана с этими характеристиками. В то время как высокая восприимчивость к контролю, может быть значимым условием девиантного поведения.

Обобщая представленные данные, можно сделать вывод, что уровень автономного функционирования у подростков связана с проявлениями: делинквентного, аддиктивного и агрессивного поведения. Чем ниже показатель автономного функционирования, тем выше риск таких форм поведения, которые могут выступать неадаптивными попытками компенсировать неудовлетворенную потребность в автономии. В то же время связь с аутоагрессией не выявлена. Таким образом, поддержка автономии может выступать важным условием профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте.

Полученные данные показывают, что при высоком риске девиантного поведения подростки демонстрируют более низкую автономию, в связи с чем мы полагаем, что фрустрация автономии может выступать одним из факторов девиантного поведения. Удовлетворение автономии может приводить к снижению рисков различных форм девиантного поведения. В связи с этим была разработана программа, направленная на поддержку автономии у девиантных подростков.

Из всей выборки методом расщепления было выделено две подгруппы. Одна группа экспериментальная, другая – контрольная.

Распределение подростков с разной выраженностью девиантного в экспериментальной и контрольной группах

Выраженность риска девиантного поведения	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Низкая	3	4
Средняя	17	16
Высокая	5	5
Общее количество	25	25

Рассмотрим среднегрупповые значения в обеих группах по шкалам по шкалам «Склонность к девиантному поведению».

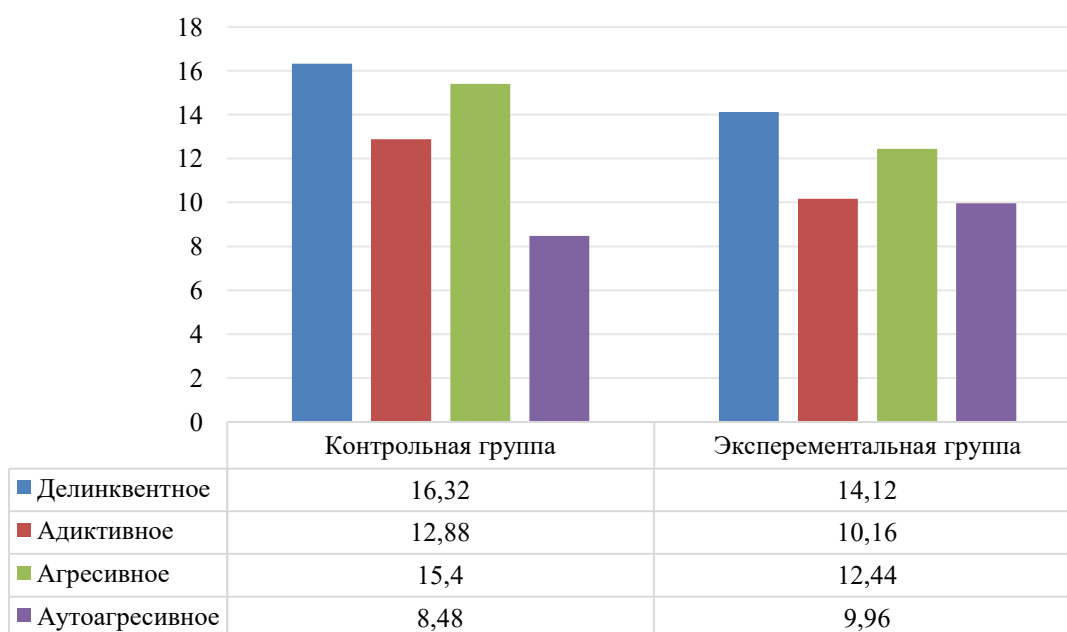

Рисунок 2. Среднегрупповые значения по методике «Склонность к девиантному поведению» в экспериментальной и контрольной группах

Как видно из рисунка 2, в экспериментальной и контрольной группах наблюдаются различия в средних показателях. Для того, чтобы удостовериться в эквивалентности групп, проведен анализ с помощью критерия Манна-Уитни, чтобы проверить сходство выделенных групп по выраженности различных форм поведения.

Таблица 7

Средние значения по шкалам «Склонность к девиантному поведению» в экспериментальной и контрольной группах

Шкалы	Группа		U
	экспериментальная	контрольная	
Делинквентное	14,12	16,32	255
Адиктивное	12,88	10,16	217
Агрессивное	15,40	12,44	238
Аутоагрессивное	8,48	9,96	269

Полученные результаты позволяют заключить, что подгруппы являются эквивалентными по шкалам делинквентное, агрессивное, агрессивное и аутоагрессивное поведение, а имеющиеся отличия являются статистической погрешностью.

Сравним результаты в контрольной и экспериментальной группах по шкалам методики «Индекс автономного функционирования» с помощью критерия Манна-Уитни, чтобы проверить сходство выделенных групп по выраженности автономии (таблица 8).

Таблица 8.

Средние значения по шкалам «Индекс автономного функционирования» в экспериментальной и контрольной группах

Шкалы	Группа		U
	экспериментальная	контрольная	
Индекс автономного функционирования	3,6	3,5	260,5
Авторство	3,4	3,6	289,5
Заинтересованность	3,6	3,3	244,0
Восприимчивость к контролю	3,4	3,4	297,5

Полученные результаты свидетельствуют о том, что по всем четырём шкалам (индекс автономного функционирования, авторство, заинтересованность, восприимчивость к контролю) статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами не обнаружено. Значения U-критерия Манна-Уитни свидетельствуют о том, что имеющиеся различия между группами не имеют статистической значимости. Таким

образом, экспериментальная группа статистически достоверно не отличается от контрольной по выраженности автономии.

2.3. Основные положения программы психологической поддержки переживания автономии

Для повышения автономии была разработана программа «Мой выбор». Программа направлена на поддержание автономии, удовлетворении ее как базовой психологической потребности.

Теоретическим фундаментом программы выступает теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, в рамках которой девиантное поведение подростков рассматривается как следствие систематической депривации базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Автономия понимается, как потребность переживания своих действий как добровольных, согласованных с внутренними ценностями и интересами человека. Это не изоляция или независимость от других, а ощущение себя источником своего поведения, когда человек действует с чувством выбора и психологической свободы, а не под давлением внешних требований.

Программа решает комплекс задач, направленных на развитие навыков саморегуляции, формирование ассертивности при сохранении личностных границ, осознание связи между свободой выбора и персональной ответственностью, а также актуализацию внутренних ресурсов.

Саморегуляция в теории самодетерминации позволяет человеку перейти от внешней или интроецированной мотивации к интегрированной регуляции, когда поведение полностью согласовано с собственными ценностями. Это ядро автономии: действовать не импульсивно и не под давлением стыда или поощрений, а осознанно и добровольно.

Ассертивность и сохранение личных границ защищают автономию в социальной среде. Поскольку потребность в автономии может

фрустрироваться контролирующим окружением (манипуляции, давление), эти навыки помогают отстаивать внутренний локус каузальности: человек сам остаётся источником своих действий, даже когда другие пытаются его подчинить.

Осознание связи свободы выбора и ответственности формирует внутренний воспринимаемый локус каузальности. В теории самодетерминации – это фундаментальное условие автономной мотивации: когда человек принимает ответственность за последствия, он переживает себя подлинным автором своего поведения, а не жертвой обстоятельств.

Актуализация внутренних ресурсов для целеполагания позволяет ставить самосогласованные цели, исходящие из интересов и ценностей личности. Это высший уровень автономии, когда человек действует не из чувства «должен», а из ощущения «хочу и выбираю это». Без этих навыков потребность в автономии остаётся неудовлетворённой, что ведёт к гетерономии и снижению психологического благополучия.

Логика построения программы отражает процесс поэтапной интернализации внешних норм и поддержание автономии. Согласно теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, поэтапная интериоризация представляет собой управляемый процесс преобразования внешнего, материализованного действия в действие, выполняемое во внешнеречевом плане, а затем последовательно во «внешней речи про себя» и, наконец, во внутреннем плане. Ключевой механизм этого перехода – интериоризация структуры действия при одновременной отработке его свойств на каждом этапе, что обеспечивает формирование полноценного понятия или навыка без проб и ошибок. Таким образом, интернализация здесь выступает не стихийным процессом, а управляемым этапом усвоения, где действие последовательно интериоризируется, теряя внешнюю, развёрнутую форму и приобретая статус психического акта.

Реализация программы рассчитана на три месяца с интенсивностью встреч два раза в месяц, что обеспечивает необходимую временную дистанцию для ассимиляции полученного опыта.

Программа состоит из 6 занятий с элементами тренинга. Планы занятий для подростков представлены в Приложении А.

Первое занятие направлено на создание безопасной среды через совместное установление правил группы, что позволяет с самого начала актуализировать потребность в автономии. Второе занятие направлено на развитие механизмов самоконтроля и снижения импульсивности. Третье занятие направлено на осознание границ собственного «Я» и навыкам защиты от деструктивного социального влияния. Четвертое занятие направлено на осознание долгосрочных последствий различных форм девиантного поведения. Пятое занятие направлено на формирование навыков долгосрочного планирования и постановки SMART-целей. Завершающее занятие посвящено способам выражения поддержки внутри группы, также рефлексии всего содержания программы.

Важную роль в автономии в рамках Теории самодетерминации играет убежденность человека в том, что он выступает автором действий, что совершаемый им выбор является его собственным, а не навязанным извне. Поэтому в программу включены элементы когнитивно-поведенческого подхода А. Бека, согласно которому дезадаптивное поведение подростка поддерживается спонтанными оценочными суждениями, иррациональными убеждениями и когнитивными искажениями, усиливающими импульсивные и протестные реакции. В занятии, посвященном саморегуляции и самоконтролю это находит отражение в использовании техник когнитивной переоценки, позволяющих выявлять и корректировать мыслительные схемы, провоцирующие немедленную разрядку напряжения через рискованное поведение. Поведенческие эксперименты в рамках программы выступают способом эмпирической проверки ошибочных представлений подростка о себе, других людях и возможных последствиях собственного поведения.

Упражнение «Стоп-сигнал» выполняет функцию формирования паузы между стимулом и реакцией и тем самым создает пространство для оценки альтернатив, что способствует переходу от импульсивной к более осознанной регуляции поведения.

Значимым теоретическим основанием выступает также теория ассертивности и коммуникативная модель «Я-сообщений» Т. Гордона, Р. Альберти и М. Эммонса. В модуле «Мои границы и мое пространство» акцент делается на осознании и символическом представлении личных границ через метафору «Территория моего Я», что способствует формированию понимания права на психологическую неприкосновенность и уважение к собственному пространству. Ролевой тренинг отказа с использованием «Я-сообщений» позволяет подросткам осваивать социально приемлемые способы выражения несогласия и сопротивления давлению сверстников без агрессии, унижения собеседника или самооправдания. Таким образом, ассертивность в рамках программы рассматривается как важнейший компонент автономной регуляции, обеспечивающий защиту личностных границ при сохранении конструктивного взаимодействия с окружающими.

Занятие, посвященное свободе и ответственности, опирается на концепцию ответственного выбора и на экзистенциальное понимание свободы как неотделимой от принятия последствий собственного решения. В этом смысле дискуссия «Что значит быть взрослым?» актуализирует связь между расширением свободы и необходимостью личной ответственности, что соотносится с идеями В. Франкла и Дж. Бюджентала о субъектности и самоопределении. Визуальный инструмент «Древо решений» позволяет подросткам проследить краткосрочные и долгосрочные последствия рискованного поведения, включая употребление психоактивных веществ и прогулы, и тем самым переводит проблему выбора в плоскость наглядного анализа затрат и выгод. Подобный прием способствует развитию рефлексивного отношения к собственным действиям и укрепляет

способность к прогнозированию последствий, что является важным условием автономной регуляции.

Пятое занятие программы дополнительно опираются на идеи позитивной психологии и ресурсного подхода М. Селигмана и К. Петерсона. В модулях «Ресурсы и будущее» и во вводном упражнении «Идеальный образ» акцент переносится с дефицитарной модели, фиксирующей недостатки и нарушения, на выявление сильных сторон, личностных ресурсов и возможностей развития. Сопоставление Я-реального и Я-идеального формирует мотивационный вектор изменений, поскольку позволяет подростку соотнести актуальное состояние с желаемой перспективой без переживания тотальной несостоятельности. Такой подход способствует укреплению внутренней мотивации, повышает субъективную ресурсность и поддерживает процесс самоопределения через осознание достижимых и значимых целей.

Ниже приведена структура каждого занятия. Предложенная структура позволяет учитывать в ходе работы психологические особенности подростков. Данному возрасту присуща высокая эмоциональная лабильность. Ритуал приветствия и разминка последовательно решают задачи «заземления» актуального эмоционального состояния (мониторинг эмоционального состояния) и создания безопасной обстановки в группе, что снижает возможную тревогу и повышает толерантность к межличностной неопределённости внутри самой группы.

Основная часть, построенная по принципу от теории к практике, удовлетворяет одновременно потребность подростков в легитимизации своих переживаний и необходимость поведенческого экспериментирования. Использование ролевой игры, визуализации позволяют проигрывать социальные сценарии без риска реальных последствий.

Завершающие этапы – рефлексия и ритуал завершения – способствуют развитию способности оценивать собственные мыслительные процессы и переносить полученный опыт в повседневный контекст и формируют

чувство предсказуемой завершённости, что критически важно для снижения подростковой тревожности и сплочению группы.

Структура каждого занятия для подростков включает:

Ритуал приветствия – необходим для мониторинга актуального состояния участников.

Разминка – упражнение, необходимое для включения в работу и снижения тревожности.

Основной блок – основное содержание работы, которое состоит из теоретической части, и практического упражнения (ролевая игра, работа с метафорическими картами или визуализация).

Рефлексия – обсуждение полученного опыта и его связи с реальной жизнью.

Ритуал завершения – обеспечение целостности группового процесса и анонс следующего занятий.

Программа предполагает обязательное включение социального окружения подростка в профилактический процесс, в связи с чем структура дополнена специализированными блоками мероприятий для родителей и педагогов.

Для родителей включены два семинара-практикума, направленных на трансформацию контролирующего стиля взаимодействия в поддерживающий, так как избыточный психологический контроль, выражающийся в манипуляциях и обесценивании, фрустрирует потребность в автономии. Работа со взрослыми фокусируется на обучении техникам активного слушания, использованию «Я-сообщений» и предоставлению подростку информативной обратной связи вместо оценочной. Механизм ожидаемого эффекта программы основывается на том, что признание чувств подростка и объяснение рациональности существующих правил способствуют добровольному принятию социальных норм. Планы семинаров для родителей представлены в Приложении Б.

Структура каждого семинара-практикума включает в себя:

Приветствие – необходимо для актуализации интереса аудитории.

Теоретическая часть – знакомит участников с теоретическими основами тематики мероприятия и готовит к практической части, знакомя с техниками и приемами для поддержки автономии у подростков.

Практическая часть – отработка техник и приемов на практике в разных форматах.

Рефлексия – обсуждение полученного опыта в реальной жизни.

Структура семинара для педагогов идентична структуре семинаров для родителей. Семинар для педагогов направлен на создание атмосферы выбора и поддержка компетентности на уроках. План семинара для педагогов представлена в Приложении В.

Таким образом, поддержка автономии происходит не только через развитие внутренних компетенций подростка, но и микросоциальной среды, что позволяет поддерживать автономию.

2.4. Оценка изменения выраженности девиантного поведения и автономии подростков в результате реализации программы

После реализации разработанной программы в апреле была проведена повторная диагностика с помощью методик «Склонность к девиантному поведению» и «Индекс автономного функционирования».

Рассмотрим результаты по методике «Индекс автономного функционирования» в экспериментальной группе до и после реализации программы.

Таблица 9

Сравнение значений по шкалам «Индекс автономного функционирования» в экспериментальной группе до и после реализации программы

Шкала	Среднегрупповые значения		Т-Вилкоксона
	до реализации программы	после реализации программы	
Индекс автономного	3,6	4,3	58*

функционирования			
------------------	--	--	--

Окончание таблицы 9

Авторство	3,4	3,6	56,5
Заинтересованность	3,4	3,7	31*
Восприимчивость к контролю	3,2	2,9	129*

*Примечание: * $p < 0,05$*

Проведённый сравнительный анализ выявил наличие статистически значимых различий между показателями, зафиксированными до и после реализации программы по всем исследуемым шкалам.

По шкале «Индекс автономного функционирования» установлено значимое повышение среднего значения с 3,6 до 4,3. Полученная динамика свидетельствует о повышении внутренней саморегуляции, способности действовать на основе собственных убеждений и снижении зависимости от внешних стимулов. Указанные изменения могут интерпретироваться как формирование более зрелого автономного функционирования личности после проведённой развивающей работы.

По шкале «Авторство» средний показатель возрос с 3,4 до 3,6. Однако данный сдвиг не является статистически значимым. Полученные различия могут быть вызваны эффектом повторного тестирования.

По шкале «Заинтересованность» зафиксирован статистически достоверное повышение значений. Это интерпретируется как увеличение внутренней мотивации, вовлечённости в выполняемую деятельность и появление устойчивого познавательного или процессуального интереса, что является важным предиктором успешности деятельности.

По шкале «Восприимчивость к контролю» выявлено значимое снижение среднего значения с 3,2 до 2,9. Поскольку высокие значения по данной шкале отражают ориентацию на внешнее оценивание, зависимость от контроля со стороны других и ригидность следования внешним требованиям, обнаруженное уменьшение свидетельствует о снижении экстернальной регуляции. Такой сдвиг рассматривается как благоприятный признак

повышения психологической автономии и снижения тревожности, связанной с внешним оцениванием.

Чтобы оценить изменчивость показателей в результате влияния условий и естественного развития рассмотрим результаты по шкалам «Индекс автономного функционирования» результаты в контрольной группе.

Таблица 10

Сравнение значений по шкалам «Индекс автономного функционирования» в контрольной группе на двух этапах исследования

Шкала	Среднегрупповые значения		Т-Вилкоксона
	констатирующий этап	контрольный этап	
Индекс автономного функционирования	3,4	3,4	146,5
Авторство	3,3	3,3	120,5
Заинтересованность	3,2	3,3	136
Восприимчивость к контролю	3,2	3,3	153

В результате сравнительного анализа на двух этапах в контрольной группе установлено, что по всем шкалам методики «Индекс автономного функционирования» статистически значимых различий не выявлено. Значения Т-критерия находятся в области принятия нулевой гипотезы, что свидетельствует об отсутствии значимых изменений в показателях в результате естественного развития и факторов среды. Данный результат указывает на отсутствие динамики в уровне внутренней саморегуляции и автономии личности под влиянием программы.

Результаты контрольной и экспериментальной группы позволяют заключить, что в контрольной группе отсутствуют статистически достоверные сдвиги по всем измеренным параметрам. Это позволяет сказать, что иные факторы не привели к значимым изменениям в уровне автономного функционирования, авторства, заинтересованности и восприимчивости к контролю. Экспериментальная группа демонстрирует статистически

достоверные изменения по шкалам индекс автономного функционирования, заинтересованность и восприимчивость к контролю. Зафиксировано повышение уровня автономного функционирования, авторства и заинтересованности, а также понижения уровня восприимчивости к внешнему контролю. Совокупность этих данных позволяет заключить, что программа повысила уровень автономии и способствовала удовлетворению потребности в автономии.

Рассмотрим, как изменились значения по шкалам методики «Склонность к девиантному поведению» в экспериментальной группе после реализации программы.

Таблица 11

Сравнение результатов по шкалам «Склонность к девиантному поведению» до и после реализации программы в экспериментальной группе

Шкала	Среднегрупповые значения		Т-Вилкоксона
	до реализации программы	после реализации программы	
Делинквентное поведение	14,12	11,64	262***
Аддиктивное поведение	10,16	7,4	305***
Агрессивное поведение	12,44	10,84	192*
Аутоагрессивное поведение	9,96	7,6	236***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

В результате применения непараметрического критерия Вилкоксона для сравнения показателей девиантного поведения до после реализации программы в экспериментальной группе были выявлены статистически значимые различия по всем видам девиантного поведения.

Полученный результат свидетельствует о том, что реализованная программа поддержки автономии у девиантных подростков оказала достоверное воздействие на склонность к отклоняющемуся поведению.

Обнаружено значимое уменьшение выраженности по шкале аддиктивное поведение. Данный факт указывает на то, что поддержка автономии позволила снизить склонность к зависимому поведению у подростков экспериментальной группы.

Наблюдалось снижение среднего значения с 12,44 до 10,84 по шкале агрессивное поведение. Полученные данные имеют статистически значимый сдвиг, однако статистическая значимость по данной шкале ниже, чем в остальных ($p < 0,05$). Данный факт позволяет заключить, что поддержка автономии позволило снизить склонность к агрессивному поведению.

Средний показатель по шкале аутоагрессивное поведение снизился. Наличие статистически значимого сдвига позволяет заключить, что уменьшение показателя связано с проведением программы, направленной на поддержку автономии.

Для оценки влияния естественного развития и фактора среды на девиантное поведение рассмотрим результаты по шкалам методики «Склонность к девиантному поведению» в контрольной группе (таблица 12).

Таблица 12

Сравнение результатов по шкалам «Склонность к девиантному поведению» на двух этапах исследования в контрольной группе

Шкала	Среднегрупповые значения		Т-Вилкоксона
	констатирующий этап	контрольный этап	
Делинквентное поведение	16,32	15,48	155,5
Аддиктивное поведение	12,88	11,24	175,5**
Агрессивное поведение	15,4	14,36	166
Аутоагрессивное поведение	8,48	7,8	142

Примечание:** $p < 0,01$

По шкале делинквентное поведение изменения статистически не значимы. Это означает, что без программы направленной на поддержку

автономии значимого снижения делинквентных проявлений в контрольной группе не происходит.

По шкале аддиктивное поведение обнаружено статистически значимое снижение. Данный факт может быть связан с тем, что одним из приоритетных направлений в профилактических программах учреждений является работа с аддиктивным поведением.

По шкале агрессивное поведение зафиксировано снижение не является статистически значимым. Данный факт может указывать на то, что произошедшие изменения могут объясняться статистической погрешностью.

По шкале аутоагрессивное поведение изменения также не достигает уровня значимости. Следовательно, аутоагрессивные тенденции в контрольной группе остались стабильными.

Сравнительный анализ изменений в двух группах позволяет утверждать, что практическая работа, направленная на удовлетворение потребности в автономии, оказала статистически значимое влияние на все формы девиантного поведения в экспериментальной группе. Однако в экспериментальной группе по шкале агрессивное поведение зафиксирован менее значимый сдвиг (по шкале агрессивное поведение сдвиг находится в зоне значимости $p < 0,05$, в то время как другие формы девиантного поведения $p < 0,001$). Данный факт может свидетельствовать о большей устойчивости данных паттернов к краткосрочному психолого-педагогическому воздействию, либо о недостаточной чувствительности измерительных инструментов, либо о необходимости более длительного и специфически направленного вмешательства.

Полученные результаты подтверждают эффективность применённой программы и указывают на необходимость её доработки в части профилактики агрессивных тенденций.

Обобщая результаты сравнительного анализа, можно заключить, что реализация программы, направленной на поддержку автономии как базовой психологической потребности, оказала значимое влияние на снижение

проявлений девиантного поведения у старших подростков в экспериментальной группе. Выявленная динамика по шкалам делинквентного, аддиктивного, агрессивного и аутоагрессивного поведения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной подтверждает гипотезу исследования: в старшем подростковом возрасте психологическая поддержка автономии является значимым условием профилактики девиантного поведения.

Выводы по Главе 2

Проведённое эмпирическое исследование, направленное на проверку гипотезы о том, что психологическая поддержка автономии является значимым условием профилактики девиантного поведения у старших подростков, позволило сформулировать следующие основные выводы:

Подтверждена связь между уровнем автономии и выраженностью девиантного поведения. Корреляционный анализ выявил сильные отрицательные взаимосвязи между интегральным индексом автономного функционирования и склонностью к делинквентному ($r = -0,76$), аддиктивному ($r = -0,71$) и агрессивному ($r = -0,73$) поведению. Наиболее низкие показатели автономии зафиксированы в группе с высокой выраженностью девиаций, тогда как в группе с низкой девиантностью индекс автономии был выше. Это позволяет рассматривать фрустрацию потребности в автономии как значимый фактор риска формирования девиантного поведения.

Разработанная программа «Мой выбор», базирующаяся на теории самодетерминации и дополненная элементами когнитивно-поведенческого подхода и теории ассертивности, доказала свою эффективность. В экспериментальной группе после реализации программы зафиксированы статистически значимые позитивные изменения по всем шкалам методики «Индекс автономного функционирования»: повышение индекса автономного

функционирования, авторства, заинтересованности и снижение восприимчивости к контролю. В контрольной группе значимых сдвигов по параметрам автономии не произошло.

Программа способствовала значимому снижению ряда форм девиантного поведения. В экспериментальной группе выявлено статистически достоверное уменьшение показателей по шкалам: делинквентное поведение, аддиктивное поведение, агрессивное поведение и аутоагрессивное поведение. В контрольной группе значимое снижение зафиксировано только по шкале аддиктивного поведения, что может быть обусловлено неконтролируемыми внешними факторами, либо проводимыми стандартными программами профилактики.

При этом изменения по шкале агрессивное поведение в экспериментальной группе менее выражен по уровню статистической значимости. Данный факт может свидетельствовать о большей устойчивости данной формы девиантного поведения к краткосрочному психолого-педагогическому вмешательству. Полученный результат указывает на необходимость доработки программы в части коррекции агрессивных тенденций.

Гипотеза исследования полностью подтверждена. Полученные данные позволяют утверждать, что психологическая поддержка автономии является значимым условием профилактики делинквентного, аддиктивного, агрессивного и аутоагрессивного поведения у старших подростков.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что удовлетворение базовой психологической потребности в автономии через системную работу с подростками и их микросоциальным окружением может рассматриваться как эффективная стратегия профилактики девиантного поведения, требующая дальнейшей разработки в части профилактики и коррекции агрессивных проявлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа была посвящена теме психологической поддержки автономии как условию профилактики девиантного поведения подростков.

В ходе работы была достигнута поставленная цель – рассмотрены возможности профилактики девиантного поведения через психологическую поддержку автономии в старшем подростковом возрасте. Для этого были решены все основные задачи работы.

В теоретической части были проанализированы подходы к пониманию девиантного поведения в психологии, что позволило установить его многопричинный характер и показать связь девиантного поведения с автономией. Было раскрыто содержание понятия «автономия» и систематизированы отечественные и зарубежные подходы к её изучению. Наиболее продуктивной для данного исследования оказалась теория самодетерминации, в рамках которой автономия рассматривается как базовая психологическая потребность и важное условие психологического благополучия и личностного развития.

В ходе эмпирического исследования был оценён уровень девиантного поведения и автономии в выборке старших подростков. Полученные данные показали, что между выраженностью автономного функционирования и склонностью к девиантному поведению существует тесная взаимосвязь: чем ниже уровень автономии, тем выше риск делинквентного, аддиктивного и агрессивного поведения. Тем самым было подтверждено, что фрустрация потребности в автономии выступает фактором риска девиантного поведения.

На основе полученных результатов была разработана и реализована программа «Мой выбор», направленная на поддержку автономии подростков. В программу были включены упражнения, способствующие развитию саморегуляции, осознанию личных границ, формированию ответственного выбора, целеполаганию и снижению ориентации на внешний контроль.

Дополнительно в работу были включены семинары для родителей и педагогов, направленных на создание поддерживающей автономии среды в семье и образовательном учреждении.

Повторная диагностика показала, что в экспериментальной группе после реализации программы произошли статистически значимые положительные изменения по показателям автономного функционирования и значимое снижение выраженности девиантного поведения по всем основным шкалам. В контрольной группе подобных изменений не выявлено. Это позволяет сделать вывод, что именно целенаправленная психологическая поддержка автономии стала значимым фактором профилактики девиантного поведения.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. В старшем подростковом возрасте психологическая поддержка автономии действительно является значимым условием профилактики девиантного поведения. Полученные результаты имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть использованы в работе психологов, педагогов и специалистов системы профилактики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997. 288 с.
2. Асмолов А.Г. Психология смысла Культурно-историческое понимание развитие человека. М.: Смысл, 2019. 447 с.
3. Бандура А. Теория социального научения СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 тт. Т.3. М.: Педагогика 1984. 489 с.
5. Гришина Н.В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 2. С. 126–138
6. Змановская Е.В. Структурно-динамическая концепция девиантного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №5. С. 189–195.
7. Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 241 с.
8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 251 с.
9. Костромина, С.Н., Даринская, Л.А., Москвичева, Н.Л., Филатова, А.Ф. Апробация и валидизация методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) на российской выборке // Психологическая наука и образование. 2023. №28(5). С. 168–183.
10. Костомина С.Н. Уровни самодетерминации личности // Психология и образование. 2011. № 3. С. 45–52.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие М: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
12. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
13. Мэй Р. Человек в поисках себя. М: Институт общегуманитарных исследований (ИОИ), 2012. 224 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003. 352 с.

15. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. Учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 358 с.
16. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический Проект, 2006. 480 с.
17. Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. 527 с.
18. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 411 с.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 720 с.
20. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира: монография. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 331 с.
21. Скиннер Б.Ф. Наука и человеческое поведение. Новосибирск: Новосибирский государственный университет 2017. 517 с.
22. Сиденко Е.А. К вопросу об адаптации подростка // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. №1. С. 3–8.
23. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: МПСИ: Флинта, 2008. 672 с.
24. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни М.: «Современные проблемы» Н.А. Столляр, 1923. 256 с.
25. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: хрестоматия. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 118–126.
26. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 1990. 405 с.
27. Фризен М.Л. Особенности развития смысловой сферы подростков: диссертация ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003. 93 с.
28. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности М.: Республика, 1994. 447 с.
29. Харре Р. Личностное бытие: теория индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2010. 519 с.

30. Харре Р. Единичное Я: введение в психологию личности. М.: Издательство Института психологии РАН, 2015. 224 с.
31. Хомич А.В. Психология девиантного поведения: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Южно-Российский гуманитарный институт, 2006. 97 с.
32. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Изд-во МГУ, 1994. 364 с.
33. Эллис. А. РЭПТ: рационально-эмотивная поведенческая терапия. Полный курс. СПб.: Питер, 2022. 384 с.
34. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. Проблемы возрастной и педагогической психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 224 с.
35. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
36. Эриксон Э. Жизненный цикл: эпигенез идентичности // Психология личности: учебное пособие / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1999. Том 1. С. 305–348.
37. Bartholomew K. J., Ntoumanis N., Ryan R. M., Thogersen-Ntoumani C. Psychological need thwarting in the sport context: Assessing the darker side of athletic experience // *Journal of Sport & Exercise Psychology*. 2011. № 33(1) P. 75–102.
38. Costa S., Cuzzocrea F., Gugliandolo M., Larcan, R. Associations between parental psychological control and autonomy support, and psychological outcomes in Italian adolescents // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. No.25. P. 192–202.
39. Dodge K.A. Social information processing mechanisms in aggressive behavior. *Handbook of Antisocial Behavior*. New York: John Wiley & Sons, 1997. P. 171–180.
40. Inguglia C., Ingoglia S., Liga F., Lo Coco A., Lo Cricchio M. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress // *Journal of Child and Family Studies*/ 2018. No. 27. P. 3930–3941.

41. Jang H., Reeve J., Deci E., Engaging L. students in learning activities: It is not autonomy support or structure but autonomy support and structure // *Journal of Educational Psychology*. 2010. Vol. 102(3). P. 588–600.
42. Mabbe E., Soenens B., De Muynck G.J., Vansteenkiste M., Van Leeuwen K. The importance of mothers', fathers', and adolescents' need-related experiences for adolescents' problem behavior // *Journal of Youth and Adolescence*. 2016. Vol. 45(9). P. 2114–2128.
43. Moilanen K.L., Markstrom C.A., Jones E. Extracurricular activities and adolescent adjustment: A longitudinal study // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. Vol. 43(3). P. 369–386.
44. Peterson C. *Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification*. Washington, DC: American Psychological Association; New York: Oxford University Press, 2004. 800 p.
45. Ryan R.M., Deci E.L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: Guilford Press. 2017. 756 p.
46. Sapega D.V., Bogdanovich N.V. Features of Self-Organization of Adolescents Tend to Deviant Behavior // *Psychology and Law*. 2023. Vol. 13(1). P. 135–151.
47. Soenens B., Vansteenkiste M., Luyten P. Toward a domain-specific approach to parental psychological control: Distinguishing between dependency-oriented and achievement-oriented psychological control // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78(1). P. 217–256.
48. Soenens B., Vansteenkiste M., Luyten P. Toward a domain-specific approach to parental psychological control: Distinguishing between dependency-oriented and achievement-oriented psychological control // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78(1). P. 217–256.
49. Tian L., Tian Q., Huebner E.S. School-related basic psychological needs and adolescents' subjective well-being: The mediating role of school satisfaction. // *Educational Psychology*. 2016. Vol. 36(9). P.1469–1483.

50. Van Petegem S., Soenens B., Vansteenkiste M., Beyers W. Rebels With a Cause? Adolescent Defiance From the Perspective of Reactance Theory and Self-Determination Theory // *Child Development*. 2015. Vol. 86(3). P. 903–918.
51. Van der Kaap-Deeder J., Vansteenkiste M., Soenens B., Loeys T., Mabbe E., Gargurevich R. Autonomy-supportive parenting and adolescent problem behavior: The mediating role of basic psychological need satisfaction and frustration // *Motivation and Emotion*. 2015. Vol. 39(5). P. 722–734.
52. Vansteenkiste M., Ryan R.M. On psychological growth and vulnerability: Basic psychological need satisfaction and need frustration as a unifying principle // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 45. P. 297–360.
53. Vansteenkiste M., Soenens B., Van Petegem S. Moving the field forward: An integration and review of recent conceptual and empirical contributions to SDT // *Psychologica Belgica*. 2015. Vol. 55(2). P. 142–172.
54. Yochelson S., Samenow S.E. *The Criminal Personality*. New York: J. Aronson, 1979. 538 p.